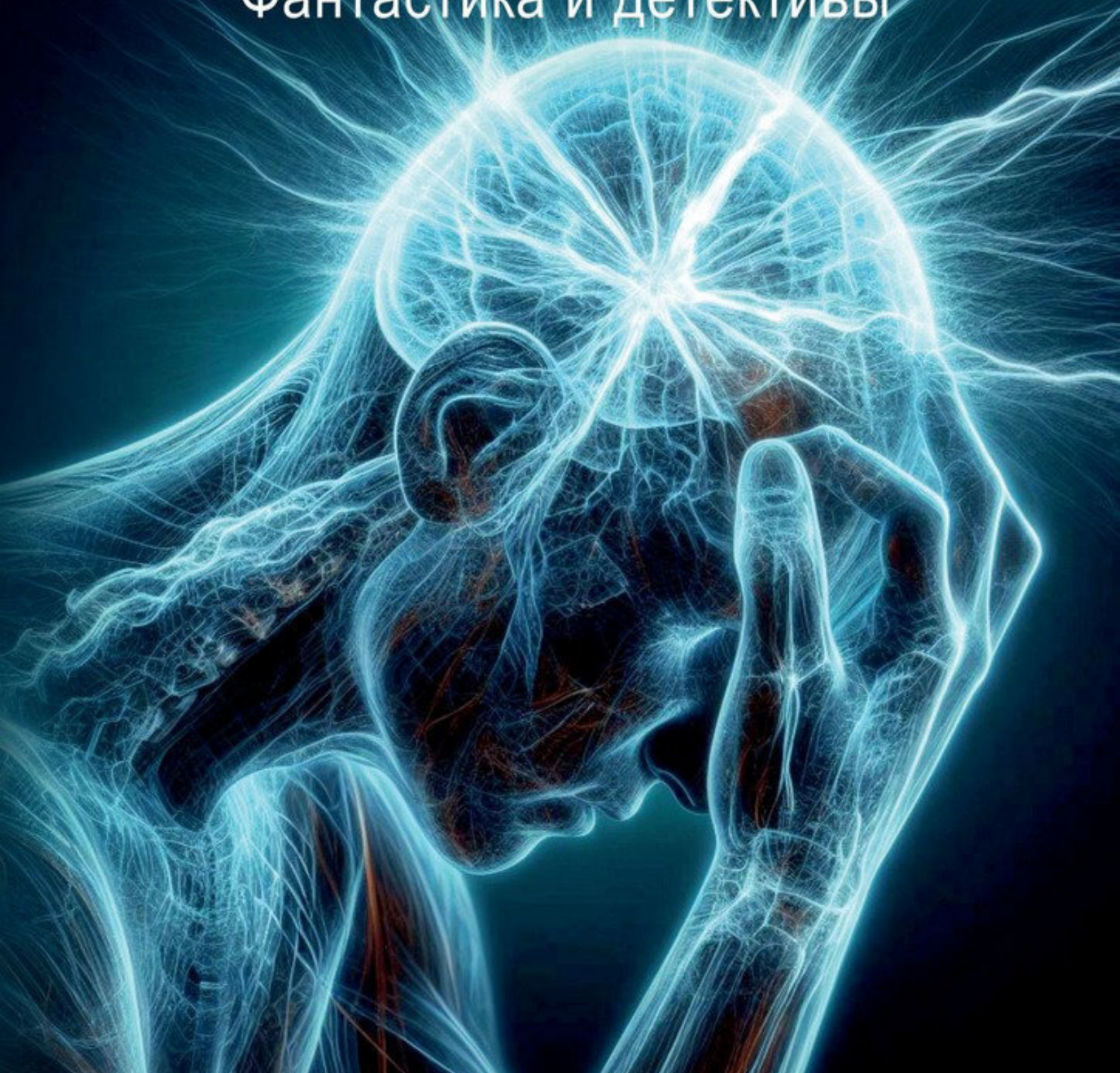

18+

Константин Кривчиков

ЭФФЕКТ ПЛЯЦЕВО

Фантастика и детективы

Константин Кривчиков

**Эффект плацебо.
Фантастика и детективы**

«Издательские решения»

Кривчиков К.

Эффект плацебо. Фантастика и детективы / К. Кривчиков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672186-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В
книгу остросюжетной прозы «Эффект плацебо» включены новеллы,
созданные писателем К. Кривчиковым за три десятилетия творческой
деятельности. В том числе фантастические рассказы «Эффект плацебо» и
«Познавший Лилит», исторические триллеры «Опавшие листья» и «Перед
страшным судом», детективный боевик «По чужому билету» и др.

ISBN 978-5-00-672186-9

© Кривчиков К.
© Издательские решения

Содержание

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ	6
Рыжая кошка	6
По чужому билету	18
Грибные места, или Версии	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эффект плацебо Фантастика и детективы

Константин Кривчиков

© Константин Кривчиков, 2025

ISBN 978-5-0067-2186-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Рыжая кошка

Вот, говорят, черная кошка, черная кошка... В смысле, неприятностей не оберешься, если она по дороге попадется. Однако если вникнуть в тему без суеверий, то животные тут ни при чем. Все дело – в инстинктах. Судите сами.

Случилась эта история нынешним летом, считай, на днях. Откуда знаю? Из оперативных источников. Ты, лучше, наливай... Короче, в воскресенье около семнадцати часов в райотдел поступило сообщение об убийстве. Опергруппа, как положено, «по коням» и через двадцать минут прибывает на место.

Стоит у подъезда старик, курит. Крепкий еще, но какой-то понурый, грустный.

– Латынин Михаил Фомич, – представляется. – Это я сообщил об убийстве.

– Майор Дробышев, – отвечает первый опер с густыми черными усами. – А это – капитан Картузов.

– Я так и подумал, что вы старший. Командира сразу видно. Я сам подполковник в отставке. Армейский...

– Кого убили-то и где? – спрашивает Картузов. Шустрый он, капитан. Вечно поперед бабки лезет.

– Кого? – Старик так резко затянулся, что закашлялся. Затем жестяным голосом отвечает: – Жену мою убили. И еще – девушку одну. Тут, на четвертом этаже.

И дальше поясняет, что, мол, живут они около соседней станции метро. А здесь сдают однокомнатную квартиру девушке по имени Анжела. Супруга договорилась, что сегодня приедет за месячной платой. Он тоже с ней отправился – хотели потом зайти на рынок. В квартиру вместе с женой подниматься не стал. Решил, пока суть да дело, в магазинчике, что в цокольном этаже, купить сигареты. Перед тем глянул на часы – запомнил, показывали они пятнадцать сорок девять. Попросил супругу с квартиранткой не болтать: с этими женщинами известно как – зацепятся языками, потом тягачом не оттащишь.

Когда вышел из магазина, жены еще не было. Ну-у, погулял немного по тротуару, подождал. Примерно в четыре позвонил по сотовому, но супруга не ответила. Тут он занервничал и поднялся на этаж. Жмет на звонок – никакой реакции. Взялся за ручку – дверь открылась. Прямо в прихожке наткнулся на труп жены. Заглянул в комнату – там Анжела лежит.

– Но я в комнату не заходил, чтобы не наследить, – уточняет Латынин. – Окликнул Анжелу, она молчит, не шевелится. Выхожу на площадку и сразу в милицию звоню. В полицию, то есть.

– А почему вы решили, что девушка тоже мертва? – спрашивает Картузов. – Может, она пьяная, к примеру?

– Сами увидите, – туманно отвечает старик. – К тому же, пока я вас ждал, участковый появился. Он уж пьяного от мертвого отличит.

Выходят они из лифта, около квартиры пузатый мужик топчется. Одет явно не по уставу: в сандалии, тренировочные штаны и футболку-безрукавку. И запашо-о-ок...

– Старший лейтенант Юсупов, – докладывает мужик. А сам застенчиво в сторонку дышит. – Я это, как из дежурки позвонили, сразу прибежал. Через дом тут живу.

Дробышев смотрит на него задумчиво, усами шевелит.

– Пивка немного с братом выпили, – добавляет участковый и руками разводит. – Воскресенье же. Но я это, того, сразу же отреагировал.

– Ладно. Быстрая реакция, это хорошо, – говорит майор. – Вы, однако, домой сходите, форму наденьте. И это, зубы, что ли, почистите. А потом – поквартирный обход. Убитую девушку знали?

– Нет. И не видел никогда. За этими квартирантами разве уследишь?

Заходят опера в квартиру. Латынин у порога остановился. В прихожей пожилая женщина лежит. «Ближе к семидесяти, – прикидывает Дробышев. – Крови нет. Как же ее убили?»

– Шею свернули, – тихо подсказывает Латынин. – Я, когда в Афгане служил, видел всякое. У нас однажды душманы таким макаром двух часовых сняли.

А шустрый Картузов уже в комнату пробрался и зовет оттуда:

– Егор Сергеевич, ты глянь.

Глядит Дробышев – м-да... Понятно, почему старик решил, что девушка мертва. Лежит Анжела поперек тахты на животе. Короткий халат ярко-желтого цвета задран выше пояса, все, что ниже – на общее обозрение, бедра раздвинуты. Вроде бы и ничего уж такого необычного (голых женских ягодиц майор перевидел немало), да вот только голова набок откинута, будто у сломанной куклы.

– Порезвился кто-то от души, – мрачно говорит Картузов. – Как думаешь, Сергеич, изнасиловали?

Майор со лба пот стряхивает. Комната на солнечной стороне, духота. Да еще вчера в гостях побывал. Пивка бы сейчас, как участковому... Подходит к труп, щупает шейные позвонки.

– Может, и изнасиловали. Эксперт разберется.

Тут на площадке лифт зашумел: криминалисты подоспели вместе со следователем Озолиной.

– Ты давай, Стас, пройдишь около дома, – говорит майор Картузову. – Потолкуй с народом. А я пока Марине Петровне обрисую обстановку.

Спецы приступили к осмотру, а Дробышев со следачкой на кухне уединились, чтобы ситуацию обсудить. Едва завели разговор – участковый нарисовался. В форме уже и улыбается многозначительно.

– Вы чего, Юсупов, успели все квартиры обойти? – иронизирует Дробышев.

Тот, держа дистанцию, косится от порога на Озолину и молчит.

– Это старший следователь, можете рапортовать, – поясняет Дробышев. – Если есть чего.

– Похоже, что есть. Соседка из пятьдесят шестой видела около пятнадцати часов мужчину. Вместе поднимались на лифте. Он потом к Анжеле зашел. Она его и раньше встречала. Один раз с балкона засекла, как они с Анжелой подъехали на машине. Даже думала, что это ее муж. Но потом спросила у Анжелы, та ответила, что, мол, просто знакомый.

– Просто знакомый, – задумчиво повторяет Дробышев. – И Латынин говорил, что девушка вроде была одинокая. Любовник, что ли?

– Соседка тоже считает, что хахаль, – поддакивает Юсупов. – Вот, приметы записал. Роста выше среднего, полный, волосы короткие, черные. Особых примет нет. Одет в светлые штаны, вроде как серые, и футболку бежевого цвета. Вроде все.

– А машина?

– Ах, да. Не помнит соседка про машину. Предположительно темного цвета, да и то неуверенно.

Тут за спиной у Юсупова эксперт-криминалист появляется. Вытянув руку, показывает Дробышеву паспорт.

– В тумбочке нашли. Похоже, что убитой девушки, если по фото сравнивать.

– И?

– Веревкина Ангелина Юрьевна, год рождения тысяча девятьсот восемьдесят пятый, место рождения – Челябинск, – читает вслух эксперт. – Временная регистрация... Эге, далеко, на том берегу. Не наш район.

– Приезжая. Ну что же, можно было ожидать. – Забирает Озолина паспорт, пролистывает. – Егор Сергеевич, надо по адресу узнать домашний телефон и выяснить подробности. Может, она через знакомых регистрировалась.

– Яволь, Марина Петровна, сделаем, – говорит Дробышев – Только я сперва с Латыниным переговорю. И пошлю его к вам. А вы, Юсупов, продолжайте обход.

Старик стоит внизу на площадке, курит у форточки. Спускается майор к нему.

– Вы извините, что мы вас задерживаем. Надо будет протокол составить.

– Ничего, – тихо отвечает Латынин. – Я все равно буду ждать, пока ее в морг отвезут.

– Я вот о чем хотел спросить, Михаил Фомич. Вы, когда на улице оставались, может, заметили чего?

– Я сам пытаюсь припомнить, – говорит старик и чешет затылок. – Когда из магазина вышел – вижу, Галины моей еще нет, ну и закурил на крыльце. Помню, как раз трамвай брэнчал... Потом вроде дверь подъезда хлопнула, я и обернулся туда. Вижу, какой-то мужик идет в ту сторону, от меня.

– Разглядели?

– Да нет, не приглядывался. Кто ж его знал... От магазина до подъезда метров тридцать, да и видел я его со спины. Точно скажу, что волосы темные, одет был во что-то светлое...

– В руках что-то держал?

– В руках? Хм... Вспомнил, на плече сумка висела. Средних размеров, что-то вроде спортивной.

– А цвет?

– Не могу толком вспомнить, извините.

– А еще кто-то из подъезда выходил за это время?

– Получается, что нет. Вы думаете, я убийцу видел?

– Возможно. Хотя и не факт. Убийца мог и раньше уйти. А мог и по лестнице спуститься, как раз в то время, когда вы в лифте поднимались. Тут всего четыре этажа вниз.

Едва Дробышев это произнес, как на площадке лифт остановился. Выходит из него девушка и к квартире направляется – той, где Анжеле убили и старушку.

– Девушка, вы к кому? – спрашивает Дробышев снизу.

Та от неожиданности аж вздрогнула:

– Я? Я к Анжеле. А вы кто?

– Я из полиции.

– Из полиции?... Я внизу видела «скорую». Что-то случилось?

Ну а дальше, понятно, охи-ахи, слезы... Когда девушка успокоилась, Ксенией ее звали, стала рассказывать о своей подруге. Говорит, что, мол, учились они на инязе. После универа Ксения устроилась гидом в турфирму, водит экскурсии для иностранцев. А вот Анжела сменила несколько мест работы, пока не очутилась в дизайнерской фирме «Розовый лотос» – там требовался референт со знанием языков. До того девушки вместе арендовали жилье, так дешевле. Но потом Анжела заявила, что будет жить одна. Это условие ее новый любовник поставил. Сегодня днем Анжела позвонила, сказала, чтобы Ксения подъехала к ней. Мол, есть повод посидеть в хорошем ресторане, она угощает.

– Вы случайно не знаете, кто был ее любовником? – спрашивает Озолина.

– Вообще-то она просила не рассказывать. Но теперь... Да, знаю. Это директор ее фирмы. Фамилию Анжела не упоминала, а зовут Игорь. Он женат на очень богатой женщине. Она, собственно, «Лотосом» и владеет, поэтому... В общем, Игорь боялся огласки.

– Вы его видели?

– Один раз. Мы тогда у Анжелы сидели, а он позвонил, что подъезжает. Анжела попросила, чтобы я быстрее ушла. Ну, чтобы не столкнуться. Я спустилась на улицу, подождала... – вздыхает Ксения и стреляет глазами в сторону Дробышева. – Интересно же посмотреть. Видела, как он подъехал, зашел в подъезд. Ничего, не очень старый. Даже симпатичный. Вроде вас. Только без усов.

Майор, заметив улыбку следователя, кашляет в кулак. Чего смешного Озолина нашла? Девушка в легком шоке, вот и ищет опору в мужском плече. Простая психология. А усы всегда гусара украшают.

– Кхе-кхе... А точнее?

– Ну черноволосый, глаза... Карие, кажется. Высокий.

– Машину, часом, не запомнили? Цвет там, модель?

– Темно-синий «Фольсваген» у него, Анжела говорила. А модель не знаю... Зад такой, скошенный. Без багажника.

– Универсал, хэтчбэк?

– Во-во, хэтчбэк.

– А какие у них были отношения?

– В последнее время ругались, обижал он ее, – отвечает девушка и снова начинает всхлипывать. – Анжела даже плакала, вот. Как же это так...

– Ну-ну. Вот плакать, Ксюша, не надо, – строго говорит майор. – Не раскисать. Вы нам еще должны помочь преступника поймать.

Дробышев связался с дежурной частью, попросил пошарить в Интернете сайт фирмы. Сайт нашелся. Вскоре удалось установить фамилию любовника Анжелы, пробили адрес. И тут с улицы звонит Картузов – мол, есть информация. Пенсионерка Валентина Степановна после обеда гуляла с маленькой внучкой – катала на коляске. Говорит, видела, как около четырех часов из подъезда вышел высокий черноволосый мужчина, сел в автомобиль синего цвета и уехал. В руках нес большую сумку.

– Именно большую?

– Бабуля сказала, что большую. Что-то вроде баула, округлую. Темного цвета, конкретно не запомнила.

– А твоя бабуля не привирает? – сомневается Дробышев. – Прямо так почти всё запомнила, вплоть до цвета автомобиля? Может, и модель знает?

– Нет, не знает – в тачках она плохо разбирается. Сказала лишь, что цвет синий и багажник не выступает. Думаю, не врет бабуля. Понимаешь, Сергеич, кошатница она.

– Не понял, – говорит майор. – При чем тут кошки?

Стас хмыкает:

– Этому мужику под ноги кошка попала. Рыжая. И он ее так пнул, что бедняга на два метра отлетела. Вот бабуля на ее визг и отреагировала. Говорит, была бы без дитя, устроила бы этому типу разборку по полной. Она там член какого-то общества защиты животных. В общем, «срисовала» она его. И говорит, что видела в первый раз.

– Смотри, Егор Сергеевич, какая картина складывается, – подводит предварительные итоги Озолина. – Около трех к Анжеле пришел любовник: некто Игорь Стафеев, генеральный директор дизайнерской фирмы «Розовый лотос». Медэксперт считает, что незадолго перед смертью девушка активно занималась сексом. Даже слишком активно. Есть следы спермы

в области промежности и ануса. Еще имеются генитально-анальные травмы, а также несколько синяков на руках и бедрах.

– Да уж, на нежные ласки не похоже, – соглашается Дробышев. – Скорее, жестокое изнасилование. Но зачем Стафееву насилловать любовницу?

– Ну, предположим, поссорились они сильно. Взбеленился этот Стафеев, избил, изнасиловал, а в довершении убил. На лице и шее жертвы тоже есть синяки. Видимо, он ее крепко держал, когда насиловал, а потом просто свернул шею, словно куренку...

– А тебя не смущает, что секс был без презерватива? Для насильника это просто убойная улика, гарантированный срок.

– Смущает. Но чего не случается в порыве дикой страсти? Снесло башню, и поехало. Может, он вообще психопат?

– Возможно.

– Идем дальше. Убийство, как эксперт считает, произошло не позже шестнадцати часов. По данным на мобильнике Ксении мы знаем, что Анжела ей звонила в пятнадцать тридцать четыре. Кстати, телефона Анжелы не нашли. Возможно, его забрал убийца. А еще он, похоже, забрал ноутбук, стоявший на компьютерном столике...

– И вынес в большой сумке, которую заметила пенсионерка, – подхватывает майор. – Думаешь, пытался инсценировать ограбление?

– Не исключено. Так вот, примерно в шестнадцать ноль две Латынин поднялся в квартиру и обнаружил два трупa. Вот и считай, что у нас на выходе.

– Обобщаю. Женщины убиты в интервале, максимум, двадцати семи минут. Старушку убили позднее, возможно, как нежелательного свидетеля. У нее были свои ключи, и она могла зайти, открыв дверь. Вот преступник ее и убрал. Так?

– Логично.

– В районе четырех часов дня преступник вышел из дома. Латышев примерно в это время видел высокого темноволосого мужчину... Что предлагаешь, Марина Петровна?

– Считаю, надо задержать и допросить этого любовничка с садистскими наклонностями. В первую очередь, на предмет алиби. Ну а дальше...

– Согласен. Беру Картузова и едем.

– Думаешь, вдвоем?

– А зачем подставляться, как в плохом сериале? Мужик он, судя по описаниям, крупный, шеи людям сворачивает на раз-два. Если этот Игорь и убийца одно лицо – то к чему нам Рэмбо изображать?

Добрались они до дома, где живут Стафеевы, заходят в подъезд. А там, понятно, консержка и даже турникет. В общем, почти государственная граница, лишь Карацупы с овчаркой не хватает. Нет, говорит, консержка, никого на месте. Жена, Ольга Викторовна, уехала куда-то еще около полудня. Немного позже и супруг укатил.

Вышли сыщики на улицу, стоят, соображают. Смотрит майор на часы: начало седьмого. Дежурство в восемь заканчивается, но теперь не до отдыха. Эх, пивка бы холодненького...

– Ну что, будем ждать? – вяло интересуется Картузов.

– Ждать в любом случае придется. Не объявлять же «Перехват» из-за этого?

– А если он до ночи не нарисует? Может, все же позвоним ему на мобилу?..

– Нет, – подумав, отзывается Дробышев. – Если он убийца, спугнем раньше времени. Потом нам же искать по крысиным норам. А появиться он дома должен, если совсем в бега не ушел. Завтра понедельник, рабочий день. Не он, так супруга вернется... Сядем в машину, там хоть кондиционер.

– Подожди, Сергеевич. Вон какая-то синяя тачка рулит. Вроде «Фольсваген». Не наш ли клиент?

Так и оказалось. Вылезит из машины высокий темноволосый гражданин в бежевой футболке: на вид лет тридцать пять, легкое пузцо на пару кило. Полицейские тут же к нему, но без ажиотажа, чтобы не спугнуть.

– Стафеев Игорь Александрович? – обращается Дробышев — Мы из полиции.

– И чего? – удивляется гражданин, глянув на удостоверение майора. Но слабо удивляется, индифферентно.

– Да вот, хотели узнать, где вы были сегодня примерно с трех до четырех дня.

Тут Стафеев сильнее удивился. Сжимает в руке брелок с ключами, аж костяшки побелели.

– А что произошло?

– А вы разве не расслышали, что мы из убийного отдела?

– И чего? – хорохорится Стафеев, а по лицу – красные пятна.

– А того, что знакомую вашу убили, Веревкину Анжелу. Вернее, Ангелину. Так где вы были с трех до четырех?

Молчит Стафеев, в землю смотрит. «Варианты прикидывает, как мы на него вышли, – соображает Дробышев. – Наверняка вспомнит про соседку в лифте. Если не полный дурак – сейчас начнет выкручиваться».

– А возможно ли кое-что сохранить в тайне? Так сказать, не для протокола? – робко спрашивает Стафеев. – Понимаете, я женат. И жена...

– Мы понимаем, Игорь Александрович, – демонстрирует человечность майор. И тут же жестко добавляет: – Только вот с учетом двух трупов торг по поводу протокола здесь не уместен. Говорите прямо: были сегодня у Веревкиной?

– Какие еще два трупа? – бледнеет подозреваемый, пот по лицу – аж градом.

– Натуральные, – встревает Картузов. – В полную величину. Так вы встречались сегодня с Анжелой?

– Встречался, – отвечает Стафеев с такой интонацией, будто в плен сдается.

– После трех?

– Где-то так. В районе того.

– Чем занимались?

После очередной театральной паузы Стафеев нехотя признается: сексом занимались. Но потом он ушел. Хозяйки квартиры, говорит, не видел и вообще не знает, кто она такая.

– Значит, ушли в половине четвертого, Латынину не видели, никого не убивали? – уточняет Дробышев.

– Именно так.

– Когда уходили оттуда, сумка в руках была?

– Ну да, была. Я это, шмутки свои забрал из квартиры. Личные вещи.

– Включая ноутбук?

– Какой еще... А, ноут Анжелы? Не брал я его... Вообще-то я перед вами не обязан отчитываться. Я думал, мы просто поговорим. Теперь вижу, что без адвоката не получится.

– Тогда вам придется проехать с нами в отдел.

– Зачем? Это что, арест?

– Пока что нет. Но вам необходимо дать показания следователю. И как можно быстрее. Это в ваших же интересах.

– С вами ехать, или на своей можно? – небрежно спрашивает Стафеев. А сам ключи в руке вертит.

Смотрит Дробышев на эти ключи, потом незаметно подмигивает Картузову:

– Можете на своей. Только капитан с вами сядет.

Пока, почти час проторчав в пробке, добирались до райотдела, там уже очутился адвокат Стафеева. Но и Дробышев зря времени не терял – по дороге успел по телефону обсудить ситуацию с Озолиной, наметили план действий.

Озолина провела допрос, но он ничего не дал. Обвинение в убийствах Стафеев отмел начисто, никакой дополнительной информации не сообщил.

– Хорошо, – преподносит сюрприз Озолина. – Тогда, Игорь Александрович, придется осмотреть ваш автомобиль. Вот ордер.

Смотрит Стафеев на ордер, вздыхает. Но молчит.

Выходят они втроем на улицу, а там уже ждут Дробышев, Картузов и понятые. Стас начинает осматривать машину. В бардачке находит пачку долларов – пять тысяч, в кармане на спинке водительского сидения – компьютерный диск.

– Деньги чьи? – спрашивает Озолина.

– Мои, – хмуро признается Стафеев.

– А на диске что?

– Рабочие документы.

– Извините, но мы должны проверить.

В кабинете Озолиной устроили просмотр. На диске оказалась почти полтора часовая запись свидания Стафеева и Анжелы, включая интим. Но всю запись не просматривали. Стафеев, потолковав с адвокатом, признался:

– Анжела меня шантажировала. Записала однажды на камеру, а потом стала требовать деньги. Я согласился – жена, если бы узнала, сразу бы подала на развод. И с фирмы бы выперла без вариантов.

– Ваша жена очень богата? – спрашивает Озолина.

– Наверное, да. Лимонов на пятьдесят баксов наверняка потянет. Богатая?

– Откуда у нее столько?

– От покойного отца.

– Понятно. И сколько Анжела запросила?

– Сначала сорок тысяч баксов, потом десять скинула. Я ей привез тридцатку, но на месте уломал скинуть еще пятерку. У меня и вправду с баблом не очень. Супруга расходы контролирует, свободных денег в обрез. Но я Анжелу не насиловал и не убивал. Секс – был, не отрицаю.

– Еще скажите, что по обоюдному согласию, – встревает Картузов.

– Ну-у, почти... – мнется Стафеев. – Я предложил. Сказал – отработай напоследок. Но она особо и не возражала. Для нее это, как два пальца об асфальт.

– Значит, не возражала? – нажимает капитан.

– Говорю же.

– Обычный секс к обоюдному удовольствию?

– Не знаю, как насчет удовольствия, но... – мямлит Стафеев, косясь на Озолину. – В общем, минет она мне сделала. Сама так захотела. Мол, тороплюсь я, давай по-быстрому... Дурак я, конечно. Надо было сразу уйти, как деньги отдал.

– Это верно, уходить надо вовремя, – соглашается Дробышев. – Тогда и мы бы вас не задерживали.

Стафееву предъявили обвинение по второй части статьи сто пять – убийство двух и более лиц при отягчающих обстоятельствах. Ночь он провел в следственном изоляторе.

А утром к Дробышеву заявила жена Стафеева. Стройная такая шатенка в стильных брючках.

– Я всё знаю, – говорит. И носиком водит – в веснушках. – Мне адвокат рассказал. Знаю, знаю про тайну следствия. Но адвоката-то я ему нанимала... Так вот, Игорь, конечно, свинья, но не преступник. Ищите настоящего убийцу.

И смотрит майору прямо в глаза. Тот в гляделки играть не стал, опустил взгляд ниже: а там, как назло, грудь мадам – полная, округлая, так и набухает под тонкой блузкой. «А ничего ведь дамочка, – фиксирует Дробышев. – Вовсе не страхолюдина, и больше сорока никак не дашь. Видно, что в форме. На улице жара под тридцать, а она – как свежий лимончик из холодильника. Чего мужику не хватало?»

– Откуда подобная уверенность, Ольга Викторовна? – спрашивает спокойно.

– Потому что Игорь – слабак, – напирает Стафеева. – Убийство ему не по плечу. Да и зачем ему эту девицу убивать, если он ей деньги отдал?

– А вы уверены, что отдал? Может, он эти пять тысяч долларов возил в машине для вида?

– Нет. Я уже проверила, – парирует бизнесвумэн. – Он действительно снял в пятницу со своего счета тридцать тысяч. Думает, что я об этом счете не знала. Дурачок.

– Коли слабак и дурачок – чего не разведетесь?

– Любовь, видите ли, зла. Особенно, когда скреплена брачным контрактом.

И усмехается. Зря. Ох, не любит Дробышев, когда над ним ехидничают или за дурачка держат.

– А он что, вас моложе? – колет в ответ. Некорректно, конечно, по отношению к даме. Но сама напросилась.

– Моложе, – тихо признается дама. – А что, заметно?

И снова смотрит на майора, но уже кротко, ненавязчиво. И даже вроде как с легкой обидой: мол, зачем же вы так, майор, с беззащитной женщиной? По нежной душе взяли и шаркнули грубым намеком, словно наждаком.

«В психологии разбирается, зачет, – отмечает Дробышев. – Только вот манипулировать мной не надо. Ишь, обиженную строит. А глаза-то зеленые, как у кошки. Хм...»

И неожиданно для себя, словно цепочка какая-то в мозгу замкнулась, спрашивает:

– А как ваш муж к животным относится? Кошек любит?

Удивляется Ольга Викторовна, брови вверх вскидывает. Но реагирует быстро:

– Это что, вроде теста? Хорошо относится. Даже лучше, чем я. У нас дома и кошка, и собака. Так кошка к нему больше ластится, чем ко мне.

И опять шурит зеленые глаза. Вроде как иронизирует. И надо же, сглазила, рыжая.

Уже через час основная версия посыпалась. Пенсионерка Валентина Степановна, единственный свидетель, видевший предполагаемого убийцу в лицо, Стафеева при понятиях не опознала. Твердо заявила:

– Нет его здесь. Вот этот, – указала пальцем на Стафеева, – вроде похож немного, но не он. У того мерзавца, что кошку пнул, волосы длиннее были. И ростом повыше, только сутулый. И моложе, кажется.

А затем подоспели результаты аутопсии. Картузов их первым от медэксперта узнал и тут же начал комментировать:

– Вот ведь... Слышь, Сергеич? Сперма-то у нее в желудке и в этой, прямой кишке, – разная. Надо же... Получается, эта девица сначала у Стафеева в рот приняла, а уже потом ее кто-то другой поймел? Вот ведь фигня какая...

Сидит Дробышев, морщится. Ох, вульгарен Стас. С другой стороны – толковый опер, шустрый. А кто из нас без недостатков? Не все в полицию после пединститута приходят, как в свое время Дробышев. А цинизм... Профессиональное заболевание, что поделаешь.

– Впрочем, есть и хорошая новость, Сергеич, – продолжает Картузов уже без вульгаризмов. – Под ногтями у Латыниной нашли остатки эпителамуса со следами крови. У старушки были длинные ногти и, похоже, она ими успела цапануть убийцу.

– Эпи... чего? – «зависает» Дробышев. – Может, остатки эпидермиса?

– Ну да. Может, и эпидермиса, – соглашается Стас. Не поймешь его, когда всерьез, а когда придурается. – Эти эксперты никогда по-русски не выражаются. Надо осмотреть Стафеева, как мыслишь?

Но осмотр ничего не дал. На теле Стафеева не оказалось ни одной царапинки.

– Одно из двух, – говорит Озолина Дробышеву. – Либо он невиновен, либо они действовали вдвоем. Но тогда я ничего не понимаю. А ты?

– Есть у меня одна версия. Вернее, след, – отвечает Дробышев. – Картузов просмотрел всю запись на диске. Она сделана с одного места, с того, где на тумбе стоит телевизор. Видимо, там замаскировали дистанционную видеокамеру, работающую при включенном компьютере. Точнее, ноутбуке. Пока они кувыркались на тахте, шла запись на жесткий диск. На включенный ноутбук ведь никто внимания не обращает. Система, в принципе, простая, но без определенных навыков не обойдешься.

– Полагаешь, Анжела сама бы не додумалась?

– Предполагаю. Все, кто ее характеризовал, говорят, что девчонка она была простоватая. Даже Ксения о ней, в общем-то, невысокого мнения. Блондинка не блондинка, но близко к этому. Возможно, что шантажировать любовника ее кто-то надоумил. Потом он же установил программу с камерой, и научил пользоваться... Предположим, что у нее еще дружок был. Помнишь, Ксения говорила, что Анжела особым целомудрием не отличалась? Они даже ссорились, когда вместе снимали жилье, из-за того, что Анжела приводила домой парней. А что, если к кому-то из своих дружков она и обратилась за поддержкой?

– Резонно, – соглашается Озолина. – Тем более что долларов у Веревкиной мы не нашли. А они, скорее всего, были. Надо изучать окружение Анжелы и Стафеева.

– Яволь, мой генерал. Сейчас перекусим и поедем со Стасом в этот самый «Розовый лотос». Будем от печки плясать.

Там, в «Лотосе», всё и встало на свои места. Картузов, опрашивавший сотрудников фирмы, обратил внимание на то, как одет сетевой администратор Карим Рузаев. На улице жара, а парень в водолазке парится. И брюнет, вдобавок. Но виду опер не подал. Побеседовав с Рузаевым, вызвал на лестницу Дробышева, который как раз просматривал в отделе кадров личные дела.

– Думаешь, царапины на шее скрывает? – сразу врубается майор. – Давай так поступим: возьми фотографию из личного дела и дуй к своей кошатнице – попробуй провести опознание. А я пока еще со Стафеевой переговорю.

Заходит майор к Стафеевой в кабинет. Та сухо кивает:

– Присаживайтесь. Что, уже закончили?

– Нужна помощь, Ольга Викторовна. Можно как-то получить информацию о личных автомобилях ваших сотрудников?

– Можно. Но вам ведь не все автомобили нужны, верно? – усмехается бизнесвумэн. – Я догадываюсь, что вас интересуют синие хэтчбэки. Вот, служба безопасности подготовила список. Я только ждала, когда вы спросите.

Достает из ящика стола листок бумаги:

– Всего четыре подходящих под описание машины, включая «Фольсваген» мужа. Только вы не торопитесь с арестами. Хватит того, что Игоря зря задержали.

И опять глаза свои зеленые и наглые шурит – насмехается. Тут Дробышев не стерпел:

– Зря, думаете? А для профилактики? Чтобы больше по любовницам не шастал?

Ничего не ответила Стафеева. Лишь губы трубочкой сложила. Красивые, к слову, губы. Выразительные. Но Дробышев, чтобы не отвлекаться, уже смотрел на куцый список. Вот те на: а Рузаева в списке-то и нет.

Выходит в коридор, думает. Отсутствие Рузаева в списке – не алиби. Во-первых, не факт, что у него автомобиля нет. Служба безопасности не ГИБДД, могли и промахать. Во-вторых, он мог и чужой машиной пользоваться... И тут, видит майор, идет по коридору высокий черноволосый парень, в руке стаканчик с горячим кофе держит. Одет в летнюю рубашку с короткими рукавами, но застегнут на все пуговицы и в галстук. Дресс-код, так сказать.

«А почему Стас решил, что царапины должны на шее находиться? – рассуждает Дробышев. – Старушка могла убийце и грудь оцарапать. Он ведь, судя по описаниям, в футболке был. А что до того, что этот Рузаев в водолазке, так, может, ему и не жарко. Человек, судя по имени, южный, привык к теплу. А в помещении – кондиционеры. Даже прохладно». И спрашивает Дробышев – так, на всякий случай:

- Молодой человек, вы в «Лотосе» работаете?
- Да, – отвечает чернявенький, притормаживая. – А чего?
- С вами наш сотрудник, из полиции, уже беседовал?
- Из полиции? Нет, не беседовал.
- А как вас зовут?
- Артем Мельниченко.

Вроде спокойно вел себя Дробышев, даже лениво. Но, видимо, что-то все-таки мелькнуло в его глазах, когда услышал фамилию. А как не мелькнуть, если была она в списке, который майор продолжал держать в руке? И заглядывать не надо – чего запоминать, когда там всего три фамилии? И среди них: «А. Мельниченко, темно-синий Audi A3, год выпуска 1997...»

Бац, и стаканчик полетел прямо в физиономию опера – быстро врубился Мельниченко, очень быстро. И сорвался, как спринтер на фальстарте. Подобное бывает, когда человек на нервах – интуиция обостряется, но и психика на грани.

Чуть зазевавшись Дробышев – получил бы горячим кофе в личность. Однако успел выставить руку, отмахнуться – лишь пальцы слегка ошпарило. А злодей уже чесанул по коридору. Но далеко не ушел. Там дальше отдел кадров располагался. Картузов зашел за фотографией Рузаева и заболтался малость с аппетитной сотрудницей. Выходит из двери – прямо на него долговязый несется. Стас ему ногу и подставил – инстинктивно. Рефлекс такой оперский – хватать того, кто бежит. А тут и Дробышев подоспел. Вместе повязали гаденыша.

Валентина Степановна опознала «обидчика» кошки. При обыске в квартире Артема Мельниченко оперативники обнаружили дорогой айфон, который в свое время Анжеле подарил Стафеев, и деньги. Несколько дней Мельниченко все отрицал и отмалчивался, но результаты генетической экспертизы не оставляли ему шансов. И алиби он не имел. Когда понял, что приперт к стенке, потихоньку разговорился.

Выяснилось, что Анжела закрутила интрижку с Мельниченко весной. Поначалу он не знал, что его подруга спит еще и с директором фирмы. Но Артем оказался ревнивцем и однажды выследил, как Стафеев выходит из подъезда. Мельниченко устроил любовнице сцену, потребовал порвать со Стафеевым. Однако девица заявила, что тот дает ей деньги. А у Артема за душой ничего, – она ехидно засмеялась – кроме длинного члена. Да и тот кривой.

Парень разозлился, но крыть было нечем. Хотя зарабатывал он и неплохо, но все деньги улетали на игральные автоматы. Поэтому периодически влезал в долги. И у Анжелы занимать приходилось – просить и унижаться.

Но тут Стафеев решил порвать с девушкой. То ли надоела, то ли боялся, что о связи рано или поздно прознает жена – «блондинка» любила поболтать. Анжела обиделась и расстроилась, ведь Игорь ее худо-бедно содержал. Поделилась обидой с Мельниченко. Тот поначалу даже обрадовался, так как ревновал сексапильную подругу. Но ему тоже требовались деньги – в очередной раз влез в долги. Тогда и возник план шантажировать Стафеева.

Стафеев, понятно, упирался, но угроза разоблачения и развода страшила его больше, чем потеря энного количества зеленых бумажек. Трусоват был мужичек: блудлив, но трусоват. В итоге он согласился выплатить отступные в обмен на то, что Анжела уволится из фирмы и навсегда забудет про их отношения. Они договорились о последней встрече. Однако Артему в последний момент пришлось в голову спрятаться в прихожей в гардеробном шкафу – для страховки. Вдруг Стафеев задумал что-то недоброе?

Анжела отговаривала: мол, зачем? Не боится она Игоря, только лишние заморочки. Но Артема это лишь насторожило. Подумал, может Анжела скрывает чего? Может, она со Стафеева большую сумму слупить хочет, а его, Артема, без доли оставить?

В итоге сделали так, как хотел Мельниченко. Он быстро залез во встроенный шкаф-купе после звонка Стафеева в дверь, где и затаился. Но Игорь вместо того, чтобы отдать баксы, начал торговаться. В результате слабовольная Анжела, не очень-то верившая в успех предприятия, поддалась нажиму и согласилась на меньшую сумму.

Однако переговоры этим не ограничились. Стафеев вдруг заявил, что имеет право напоследок попользоваться Анжелой. Распутную девицу, уже получившую деньги на руки, особо уламывать не понадобилось.

Пока она ублажала Игоря, второй любовник сидел в шкафу, скрипя зубами от злости. Вылезти он не мог, потому что не хотел светиться перед Стафеевым, как соучастник шантажа. Вот и терпел из последних сил.

Когда Игорь ушел, Артем находился в бешенстве. Не только из-за того, что чувствовал себя униженным. Еще больше его разозлило то, что Анжела скинула Стафееву целых пять тысяч долларов – уж очень рассчитывал Мельниченко на эти деньги. Они начали ругаться. В какой-то момент Анжела взяла мобильник и демонстративно позвала в гости Ксению. А потом говорит Артему с ухмылкой:

– Хватит на меня орать. А то Ксении всё расскажу. Бери десятку за помощь и проваливай. Я-то без тебя обойдусь – знаю, как и чем на хлеб с маслом заработать. А твоим сучком только груши околачивать.

Распахивает халатик и показывает свою «кормилицу». Дразнит, значит. Тут Артема и повело: злость и похоть – гремучая смесь. Ударил Анжелу несколько раз по лицу, заставил встать на корточки и начал жестоко насиловать. Девушка попыталась кричать, и тогда он зажал ей рот рукой. Когда свернул шею – даже не заметил. Так, по крайней мере, утверждал на следствии.

Поняв, что любовница мертва, решил замести следы, имитировав ограбление. Взял в гардеробе баул, положил туда ноутбук, еще несколько вещей. И в это время в дверь позвонила Латынина. Артем не стал открывать, однако у пенсионерки имелись свои ключи. Поняв, что его сейчас застукают, Мельниченко спрятался в шкаф. И едва Латынина вошла в прихожую, тут же набросился на нее. Женщина пыталась сопротивляться, как могла и даже успела оцарапать нападавшего грудь. Но бывший десантник, разумеется, справился со старушкой.

Затем спустился на улицу, сел в машину и уехал. Но перед этим сильно пнул рыжую кошку, попавшуюся под ноги на тротуаре. Машинально пнул – не любил этих хвостатых с детства. И угодил на глаза пенсионерке-кошатнице. Теперь ему впаяют лет пятнадцать минимум – и поделом.

А вы, небось, подумали, что всю кашу жена Стафеева заварила? У меня тоже такая мысль мелькнула, когда узнал, что Ольга Викторовна лично Анжелу на работу принимала. Неужели не замечала, что муженек у нее под носом шашни с глупой блондинкой завел? Или

замечала?.. Эх, умна, рыжая чертовка, подозрительно умна. И глаза эти зеленые, в которые лучше долго не смотреть...

Впрочем, к убийству Анжелы она все равно не причастна. Даже если и подсунула девицу мужу в постель, чтобы развод получить без выплаты по брачному контракту. Понятно, что всю последующую комбинацию с шантажом глупая Анжела уже сама затеяла, на пару с Мельниченко. И поплатилась.

Так или иначе, без кошачьего следа здесь не обошлось. Но вообще-то, мужики, я в зловредность кошек не верю – глупые предрассудки. Думаю, не в этом дело, а в инстинктах. И в жадности, конечно. Недаром в народе говорят: страшнее человека зверя нет... Ладно, давай еще по маленькой. Отпуск, все же. И лето заканчивается.

<2012>

По чужому билету

Пролог

«Строгов? – Я! – Стоять! Лицом к стене!»...

О-о-о... Почему?... Что такое?!

Я проснулся от звериного ощущения неизвестной опасности. Мозг продолжал барахтаться в вязкой тине кошмара – испуганный, растерянный, беспомощный. Но импульс тревоги, посланный подсознанием, рвал висок болью. И побуждал к действию.

Не спать... Не спать. Не спать!

Я судорожно вздохнул и открыл глаза. В ушах звенело, как при резком подъеме с глубины. Где я? И почему так темно? Неловко двинул рукой и ударился локтем о стенку.

– Прошу вас, не трогайте ночник, – произнес низкий воркующий голос. – Лежите так. Ну и спать же вы. А уж пить...

Голос исходил от темной фигуры, сидевшей наискось от меня. Боковым зрением я отметил контур столешницы с торчащим над ним силуэтом бутылки. Черт! Я же в каюте. Но кто здесь? Засыпал вроде один...

– Кто вы? – губы разлепились еле-еле. Язык едва ворочался.

– Я Натали. Вам привет от Ефима.

Натали? От Ефима? Эти имена сейчас мне ничего не говорили. Холодной водички бы... Попытался оторвать голову от подушки, но тут же прервал мучительную попытку. Да, разучился ты пить водку, братан.

– Вы понимаете, о чем я?

– Понимаю, – просипел я после паузы, слабовольно выбирая путь наименьшего сопротивления.

– Прелестно... Вы почему иллюминатор не приоткрыли? Мы же договаривались.

Договаривались? Знать бы, с кем и о чем.

– Забыл.

– Однако. И часто с вами такое?... Ладно, пора о деле. Вот деньги, аванс.

Рука на мгновение повисла над столиком и опустилась с мягким шлепком.

– Остальное – после выполнения первого этапа, как договаривались. Клиенты в семьдесят шестой каюте. Присмотритесь, но работать только по сигналу.

Фигура резко поднялась. Несмотря на темноту, я рассмотрел, что у нее непропорционально крупная голова. Кудрявая, что ли?

– Прошу вас, не увлекайтесь спиртным. Это часто приводит к проблемам.

Промурлыкала, отдалилась, приоткрыла дверь и выскользнула в образовавшуюся щель. Все, что я успел заметить благодаря коридорному полумраку: невысокий рост, синий джинсовый костюм и пышные светлые волосы. Ушла – и хрен с ней. В моей ситуации каждое лишнее слово таило смертельную опасность. О такой ли свободе я грезил в течение стольких лет?..

Воздух свободы

Я вышел из ворот колонии около трех часов дня. В кино часто показывают, как арестант, едва покинув территорию места заключения, тут же начинает вертеть головой по сторонам и «вдыхать полной грудью воздух свободы». Но если чего и вдыхать, то только не в Норильске. Воздух здесь почти все время пахнет различным дерьмом, типа сероводорода. И пейзаж

в окрестностях я изучил досконально. Поэтому сразу поднялся по тропинке к жилым домам на улице Ветеранов и лишь там, на тротуаре, позволил себе остановиться и оглянуться.

Сво-о-бо-оден!! Чтоб я сдох, если снова окажусь здесь!

В «пятнашку», исправительную колонию строгого и общего режима, я угодил за непредумышленное убийство. Мог бы отделаться совсем легко, но не повезло. Одним из двух ублюдков, приставших на улице к девчонке, оказался сынок депутата Таймырского окружного совета. Пьяные уроды решили, что могут развлечься на халяву. А тут я, как назло, пилил мимо. Заметив подозрительную возню в подворотне, решил сыграть в Робин Гуда. Увещеваний уроды не восприняли, а «сынок» и вовсе попер на меня с выкидушкой. Ну я ему и врезал, как и положено КМС по боксу. Ушлепок отлетел в сторону, подскочил второй, его я тоже отоварил. Он при падении стукнулся о бордюр головой, а через несколько часов дал дуба в реанимации. Вот меня и закрыли.

Спасенная от насильников девица незаметно смылась, пока я защищал ее честь. Если бы дала показания и рассказала правду, я соскочил бы на условный. Но девицу так и не нашли. А, может, и не искали. Папаша-депутат давил на следствие, и оно приняло версию «пострадавших». В итоге «тщательного расследования» из дела исчезли и нож, и девица. Зато появился злостный хулиган Егор Строгов, затеявший, ни с того ни с сего, драку с мирными гражданами. И мне впаяли восемь лет. Вот и помогай после такого незнакомым бабам.

Мой защитник так и сказал – мол, не повезло тебе, парень. Надо знать за кого заступаться, а, особенно, кого бить. Тем более если нет ни денег, ни папаша с мохнатой лапой. Адвокаты жизнь знают, чего уж тут спорить.

Так я очутился за колючей проволокой на окраине Норильска. Хотя жил в Красноярске, а в Дудинку попал во время навигации, устроившись матросом на речной толкач. В мае демобилизовался, чуток погулял и устроился – надо же на что-то жить? Рассчитывал поработать в Заполярье три месяца, да судьба распорядилась по-иному...

В ИТУ на меня сразу же наехали. Одному из блатных не понравилось, что я учился заочно на юрфаке, а мой отец когда-то служил участковым. Хотя батя к тому времени уже умер от инфаркта, но на зоне всегда найдут к чему придраться. Просто так – чтобы не расслаблялся и жизнь медом не казалась. Туго бы мне пришлось, если бы не Витька Прохорчук. Уж не знаю, почему он тогда решил за меня вступить. Но вступился. Сам он тянул срок за умышленное убийство. Так мы и корешились, пока Прохор нынешней весной не освободился и не вернулся в Дудинку, где жил до отсидки.

Достав из кармана мобильник, купленный у вертухая за триста тугриков, я, не удержавшись, послал в сторону зоны воздушный поцелуй. И набрал номер своего кореша.

– Привет, – отозвался Прохор. – Чего звонишь, никак случилось чего?

– Случилось. Откинулся я сегодня.

– Чего?.. Еж твою тудыт! Как же я забыл? Замотался тут... Ты чего раньше не позвонил, я бы тебя на «мерине» встретил.

– Не надо «мерина». Я и на обычном автобусе прокачусь вдоль по тундре.

– Ну смотри, Егор, тебе виднее. – Прохор помолчал. – Надо же, а я завтра отчаливаю по делам. Хотя... Короче, разберемся. Запоминай адрес, я тебя к вечеру жду.

И я попылил на автовокзал. Даже имея деньги на авиабилет до Красноярска, я все равно заскочил бы на денек-другой к Витьку. Ну а когда в кармане вошь на аркане – тем более.

В Дудинке был через три часа. Пообщался – для ориентации на местности – с аборигеном и решил, что дальше доберусь пешком. Прохор обитал в старом районе города на улице Советской. Когда я вынырнул на нее из проулка, то увидел, как навстречу неторопливо катит «Нива». Как раз рядом со мной дорожное полотно пересекала большущая колдобина. Огибая ее, машина свернула на обочину, проехав от меня буквально в метре. Я заметил на переднем сидении коротко стриженного бугая с мобильником около уха. Лицо показалось смутно знако-

мым, но я не стал ломать голову. Перевидав за годы заключения уйму мужиков с бульдожьими рожами и короткими стрижками, я мог бы составить из них картинную галерею. Возможно, похлеще, чем в Русском музее. Ходил я туда однажды на экскурсию, когда служил на Балтике.

Искомый номер я обнаружил на железных воротах с врезанной внутрь калиткой. За невысоким забором из оцинкованного профнастила прятался деревянный домик с верандой. Хата досталась Прохору от стариков, которые померли, пока он тянул на зоне свою дюжину. Не хоромы, конечно, но после колонии о таком приюте можно лишь мечтать.

Я невольно подумал о том, что ждет меня в Красноярске. Пока отбывал срок, мать пригрела в нашей двушке какого-то бездомного мужичка. А там ведь еще моя младшая сестра. Мда... Ладно, не парься. Главное, что на воле.

Не найдя кнопки звонка, несколько раз стукнул кулаком в ворота. Но никто не отозвался. Тогда я повернул ручку, и калитка распахнулась. Зайдя во двор, сделал по инерции несколько шагов и замер. Около крылечка валялась здоровенная собака, смахивающая на «кавказца». Подумав, что овчарка задремала на вечернем солнышке, я в растерянности оглянулся. Сколько там до ворот? Если такая псина набросится...

Но собака продолжала лежать без движения, даже лапой не шевельнула. И я почувал недоброе: это как же надо дрыхнуть, чтобы не услышать стук в ворота? Приглядевшись, заметил, что глаза у пса приоткрыты, но пасть будто застыла в оскале. Черт!

Все еще соблюдая предосторожность, приблизился вплотную и наклонился над трупом. На боку отчетливо выделялись два бурых пятна. В овчарку стреляли и не менее двух раз.

Несколько секунд я стоял на месте. Внутренний голос подсказывал, что надо немедленно убираться, если не хочу получить на свою эковскую задницу кучу неприятностей. Чего уж врать, я даже малость растерялся. Другой мне представлялась вольная жизнь по ту сторону ключей проволоки. Не то чтобы в розовых тонах, но более предсказуемой и приятной, что ли. Без тропов и крови.

С другой стороны, это всего лишь мертвая псина. Да, примета не из приятных. Но не могу же я трусливо смыться, не увидев Витьку и не разобравшись в том, что здесь произошло? Уж такой я человек. Одни, столкнувшись с непредвиденными обстоятельствами, предпочитают включить задний ход. А я наоборот пружину вперед. Потому иногда на ринге и получал встречный прямой в челюсть.

Приняв решение, я поднялся на крыльцо и открыл входную дверь... Прохора нашел в гостиной. На экране большого плазменного телевизора громко разговаривали, перебивая друг друга, участники какого-то ток-шоу. Но Витька его видеть не мог. Потому что сидел спиной к телевизору, привязанный к стулу. Голова откинута назад, вместо лица кровавая каша. Перед тем как убить, Прохора то ли пытали, то ли просто жестоко и методично избивали, вымещая злость. А потом выстрелили в рот. Я бы не узнал кореша, если бы не знакомые татуировки на руках.

В потрясенном сознании почему-то всплыла дурацкая реклама шоколадного батончика из девяностых «Шок, это по-нашему». Да уж, это по... К горлу подкатил мутный комок, и я отвернулся.

Прошел на кухню. На столе закупоренная бутылка водки, два пустых стакана, тарелка с пластиком вареной колбасы и большой кусок сыра. И еще пара пустых тарелок. Хозяин готовился принять дорогого гостя. Но явился вовсе не тот, кого он ждал.

Я вдруг подумал о том, как некстати убили Прохора. Уж так устроен человек, что почти всегда заботится о себе. В комнате сидел на стуле замученный до смерти друган, а я переживал из-за своих шкурных интересов. Ведь я очень рассчитывал на то, что Витек поможет с деньгами на первое время. Теперь надеяться не на кого.

Хорошо, что есть около десяти тысяч рублей. Должно хватить на билет и сухой паек до Красноярска. В крайнем случае, пристроюсь на палубе. Интересно, когда ближайший теплоход? Если попал между рейсами, то придется несколько дней бичевать на речном вокзале.

Потом возникла мысль поискать в доме деньги. Но я ее забраковал. Судя по разгрому в гостиной, здесь уже до меня все обшарили. Собственно, из-за бабла Прохора и могли убить. Надо валить, пока не застукали – попробуй потом доказать, что не верблюд. Разве что...

В желудке сосало от голода. В последний раз я хавал на зоне утром. Жрать сильно захотелось еще в автобусе. Пялился на унылый пейзаж за окном и предвкушал: вот сейчас завалюсь к Витьку, поляну он, наверняка, накроет от и до. Картоха – само собой, рыбка малосольная, грибки, огурчики, а уж хлеба-то вволю... Торжественный ужин не состоялся, но не пропадать же добру? В конце концов, для кого Витька старался? Не для тараканов же?

Я быстро, почти не прожевывая, съел пару бутербродов с колбасой и сыром. Благодарный желудок тут же отреагировал приятным теплом. «Может, еще чего глянуть? – возникла заманчивая мысль. – Вите уже все равно. Думаю, он бы со мной всегда поделился».

Бегло осмотрел дом, не забывая уминать колбасу. На полу в спальне увидел шерстяной свитер. Сняв штормовку, натянул его на футболку. Прости, друг, свитерок тебе больше не понадобится. Зато мне в самый раз, ночи в Заполярье холоднющие.

В углу стояла спортивная сумка с раскрытым замком, внутри – майка, пара носков и моток бельевой веревки. Хм... Поставив сумку на кухонный стол, сгреб в нее почти все, что надыбал в холодильнике, кроме яиц и распечатанной бутылки молока. Литровая бутылка водки со стола и складной нож тоже последовали в сумку. В настенном шкафчике нашел чай... Что еще? Жадность фраера погубит. Надо уматывать, пока кто-нибудь не нагрязнул.

В коридоре заметил на вешалке коричневую кожаную куртку. Взять? С одеждой у меня небогато. Можно сказать, почти ни хрена. Но клифт уж слишком приметный. Если менты задержат в нем, то срок гарантирован. Навешают тогда и убийство, и разбойное нападение. Нет, обойдусь.

Обшарил наружные карманы куртки – пусто, как у вертухая в голове. Хоть бы какая мелочь завалилась! Забрался во внутренний карман и нащупал твердую обложку. Неужели Витькина ксива? А чья же еще?

В паспорте лежал сложенный вдвое билет на теплоход. Отметил дату – двадцать четвертое августа. Значит, теплоход уходит завтра... Чего там Прохор говорил по телефону? «Я завтра на недельку отчаливаю»? Кажется, так.

Почти напротив меня, рядом с вешалкой, стояло трюмо. В зеркале отражался высокий худой мужик, широкоскулый, с впалыми щеками. Неужели этому человеку всего тридцать лет? Постарел ты, брат...

Листнув паспорт, наткнулся на фотографию Прохора. Короткая стрижка, грубоватое лицо с приплюснутым носом, прищуренные глаза... Пытаясь ухватить невнятную мысль, снова глянул в зеркало. А ведь навскидку и не отличишь. Разве что волосы чуток темнее. Но при короткой стрижке и черно-белой фотографии... Сколько сейчас стоит билет на теплоход? Несколько тысяч наверняка.

Я засунул паспорт и билет в карман ветровки, еще толком не представляя, что делать дальше. Подошел к порогу гостиной и притормозил. Пора прощаться. Эх, не так все вышло, не так... Я с трудом заставил себя поднять взгляд на изуродованное лицо приятеля и еле сдержал рвотный позыв. На разбитой брови Витьки – над самым глазом – копошилась жирная зеленая муха. И когда успела учуять, тварь?!

Лишь сейчас я подумал о том, что произойдет с телом. Сколько он так здесь просидит, привязанным к стулу? Родители умерли, сестра, кажется, в Новосибирске. Судя по отсутствию женской одежды и обуви, подругой жизни Витя обзавестись не успел. Разве что, какая прихо-

дящая... Какие-то родственники в Дудинке могут иметься, да вот только когда они его хватаются? Через пару дней? Или через неделю, а то и больше?..

Не по-людски получается. Но не закапывать же его во дворе, рискуя привлечь внимание соседей? Да и, что толку от такой могилы? Может, уйти, а потом сообщить в милицию? По паленому сотовому менты меня не вычислят. Только вот ведь какая незадача: если я хочу воспользоваться чужой ксивой и билетом, то поднимать раньше времени кипеж мне невыгодно. Надо хотя бы от Дудинки отчалить подальше. Уж такие обстоятельства сложились...

«Пусть тело лучшего кореша жрут мухи? – съехидничал внутренний голос. – Не по-людски, Егор. Прохор тебе, конечно, не родня и не друг детства, и все же имей совесть».

Да имею я ее. Наверное. Однако и времени нет рассусоливать. Уже и без того здесь битый час торчу.

Так и не найдя решения, вышел на веранду. У стены на куске брезента лежал разобранный лодочный мотор, пахло машинным маслом и бензином. Рядом пластиковая бутылка. Что в ней?..

Возвратившись в гостиную, облил бензином диван и пол вокруг стула. На экране продолжали галдеть расфуфыренные участники ток-шоу. Пластическая хирургия, говорите? Мне бы ваши заботы, гламурные шалашовки. Мать вашу!.. Приоткрыв на кухне газ, вышел в коридор и, скомкав кусок оберточной бумаги, щелкнул зажигалкой.

Прощай, Витя! Может, так оно и лучше будет для тебя? Кто сгорит, тот не сгниет. И от меня следов не останется.

В здание вокзала даже не стал заходить – зачем лишний раз светиться перед ментами? Спустился к причалу. У трапа теплохода лениво курил вахтенный матрос в оранжевом жилете.

– Вечер добрый. Переночевать пустите?

– Билет есть?

– Вот.

Раскрыв паспорт, матрос подвис на странице с пропиской.

– Местный? А чего дома не спите?

Я с раздражением махнул рукой:

– С бабой поругался. Все нервы вымотала.

– Это бывает. За ночевку придется триста рублей заплатить.

– Нервы дороже.

Он хмыкнул.

– Что, так достала? У меня тоже подруга стервозная. В первый день, как из рейса вернусь – шелковая. Ну а потом начинается зудеж...

Я демонстративно скривил физиономию, выражая мужскую солидарность. Но диалог со скучающим матросом поддерживать не стал. Я бы сейчас на любую подругу согласился, хоть стерву в квадрате. Лишь бы пустила под теплый бочок в уютной спаленке. Только где ее найти, эту спаленку?

К моей тихой радости каюта оказалась одноместной. Шконка, столик, рундук, туалетная комната с раковиной и душем. Ух, ты! Даже маленький телек на стене. Все, как у белых людей. Может, пора накатить от души? Нет, пока рано. Вот завтра отчалим, тогда устрою сразу и поминки, и праздник.

Заварил чай, съел пару бутербродов и завалился спать. Но спалось плохо. Беспокоило все: и тишина в каюте, и плеск воды за бортом... Ночь протянулась в муторной полудреме. А под утро будто провалился в колодец... Проснулся от резкого покачивания – теплоход отходил от причала. Раздвинул шторы и застыл у иллюминатора. Да уж, Енисей-батюшка...

Вскоре в дверь постучали. Открыл с опаской, стараясь не выдать напряжения. В коридоре – невысокая смазливая блондинка лет двадцати пяти, в униформе.

– Добрый день! Как у вас дела?

– А чего случилось?

– Ничего страшного, знакомлюсь с пассажирами, – улыбнулась, приоткрыв пухлые губы. – Я ваша проводница. Зовут Наташей, имейте в виду.

Светло-русые кудряшки придавали ей легкомысленный вид. Даже на метровом расстоянии я уловил запах духов и чистого женского тела.

«Не фантазируй! Держи себя в руках. Для тебя сейчас и олениха в тундре сойдет за Мерлин Монро. И вообще – от этих баб один геморрой».

– Моя проводница? Очень приятно. – Я тоже попытался изобразить улыбку.

– Ваша, ваша.

«Заигрывает, что ли?»

– Советую приоткрыть иллюминатор – на улице чудесная погода. Обращайтесь, если чего.

Повернулась и пошла по коридору, покачивая бедрами. Сделав несколько шагов, обернулась, словно почувствовав мой голодный взгляд.

– А... – вырвалось у меня.

– Что?

– Я хотел спросить – куда обращаться-то?

– Вон там каюта, в конце, – махнула рукой.

В воздухе продолжало пахнуть духами... Наваждение и только. Пора распечатать бутылку.

Сначала выпил полстакана за упокой души раба Божьего Виктора. Потом добавил еще «сотку» за свою новую свободную жизнь. Затем долго смотрел в иллюминатор. Почувствовав, что засыпаю, лег на койку и включил телевизор. Нашел красноярский канал, под него и задремал.

Проснувшись после обеда, решил, что не помешает принять душ. Для пробы открыл над раковиной горячую воду. Тепловатая, но сойдет. Сервис, блин. Из каюты донеслось:

– ...в доме проживал Виктор Прохорчук, известный в криминальных кругах под кличкой «Прохор». Тело, обнаруженное на месте пожара, сильно обгорело, в настоящее время проводится его идентификация. По предварительным данным погибший скончался в результате огнестрельного ранения...

Словно ошпаренный, я выскочил из туалетной комнаты и уставился на экран телевизора. Нежелательная информация распространялась куда быстрее, чем предполагалось мной. Отстал я от технических веяний, чего уж там.

– С помощью свидетелей удалось составить фоторобот одного из предполагаемых преступников. Посмотрите внимательно на этого человека.

На экране – он заметно рябил – появился рисунок. Короткая стрижка, лицо неопределенной формы – ни широкое, ни узкое, средних размеров глаза... В общем, похож, как и положено фотороботу, на каждого четвертого жителя Российской Федерации одновременно. И немного на меня, в том числе. Да еще и качество трансляции оставляло желать лучшего. Так что, если какой-то свидетель срисовал около дома именно меня, то особо опасаться нечего. На таком изображении я бы и сам себя не опознал. Ежели, конечно, речь идет обо мне... Стоп!

Внезапно я вспомнил мужика, сидевшего на переднем сиденье «Нивы». На кого же он так смахивал? Мужик прижимал трубку к уху левой рукой, а правой периодически почесывал лоб. Левша? И у кого я видел эту суетливую манеру постоянно почесывать угреватый лоб? Нет, угрей я, разумеется, не разглядел, но...

Господи, да это же Сыч! Тот самый Сыч, который наехал на меня в «пятнашке», и от которого меня защитил Прохор. Сыч уже давно откинулся. По разговорам, числился в группировке «авторитетного бизнесмена» Игоря Боброва по прозвищу Бобер, державшего под контролем Дудинский грузовой порт. Боброва застрелили в июне, всего пару месяцев назад. На зоне об этом много базарили. Неужто Витьку убили люди Бобра? За что?

– Одним убийством минувшие сутки в Дудинке не ограничились, – продолжил диктор. Замелькали кадры: подъезд многоэтажного дома, несколько машин, люди в милицейской форме... – Поздно вечером, ориентировочно в районе двадцати двух часов, был застрелен в своей квартире известный на Таймыре юрист, адвокат Ефим Гойхман. Его труп обнаружила жена, вернувшаяся домой из гостей...

Гойхман? Вот те на... Хорошо знакомая фамилия. На норильской зоне в основном отбывали срок местные таймырские ребята, и Гойхман защищал в суде многих из них. В том числе и Прохора. Витька несколько раз упоминал при мне Гойхмана и даже поддерживал с ним контакты. Подробностями я не интересовался – на зоне за излишнее любопытство запросто язык отрежут. Неужели смерти Гойхмана и Прохора как-то связаны? Час от часу не легче...

Подумав, я решил выпить еще. Потом еще. И в результате прикончил литровую бутылку. Как отрубился – не помню. А потом появилась мадам с воркующим голосом...

Чужой заказ

Сполоснув голову под краном, я сел на койку и попытался привести мысли в порядок. Майн Гот, куда же я влип? И что за дива посетила меня ночью? Уж очень все походит на дурной сон. Но лишь отчасти.

На столе пачка тысячерублевков. Судя по толщине, сто тысяч. Не хило для бедного зэка. Не было ни гроша, да вдруг алтын. Только, чему ты радуешься, идиот? Бабло придется отрабатывать. Ночная гостья говорила о клиентах. Что бы это значило?..

Я гнал из головы пугающее объяснение, но мысль продолжала болтаться в мозгу, как веревка над приговоренным к повешению. Похоже, что мне заказали убийство. Вернее, не мне, а Прохору. Но в моей ситуации это ничего не меняет. Есть ли другие варианты? За что еще могут заплатить сто тысяч рублей в виде аванса? Не за стриптиз же. Плюс клиенты. Клиенты... Двое, что ли?

Рядом с деньгами лежал школьный мелок красного цвета. Зачем он мне? Прохор наверняка знал ответ, но покойника не спросишь.

В голову с похмелья ничего не лезло. Ну всё к черту! Надо выспаться. Да и утро вечера мудренее. Я на свободе, и это – главное...

Утром принял душ. Потом выпил чефира – так, что прошибло до пота – и устроил променада на палубе, чтобы продышаться. Может все-таки речь идет не об убийстве? Тогда о чем? Предположим, клиентов надо похитить. Хм... С теплохода? На нем человек двести. На пристани похищенных людей не выведешь. Перекидывать с палубы на катер?.. Нет, эта версия для безбашенного боевика.

Тогда что? Кража? К примеру, надо выкрасть из каюты важные документы или драгоценности. Но ведь Витька – не домушник и вообще не вор. Что я о нем знал? Служил в ВДВ, воевал контрактником в первой чеченской. После ранения вернулся в Дудинку. Потом кого-то грохнул и схлопотал срок. Случайно грохнул или «попросили»? С таким послужным списком братья за кражу запахло. Прохор тертый зэк, а не пацан, чтобы на что попало подписываться. Вот убийство – его профиль...

Еще вот – в сумке Прохора лежала веревка. Случайность? Для кражи веревка не нужна, если только на балкон спускаться. А вот связать жертву... Или ему требовалось упаковать труп? Но зачем?..

Связать, а потом убить, или убить, а затем связать – для меня, что в лоб, что по лбу. Я им не киллер. И вообще – зачем мне этот геморрой? Даже если предположить, что речь все-таки идет не об убийстве, а о чем-то другом, я все равно влип. Я ведь не знаю, что именно делать. В любой момент мне могут дать сигнал, и что тогда? Если заказчик просечет, что я не тот, за кого себя выдаю, мне кранты.

Сто тысяч авансом за ерунду не платят, на кону что-то серьезное. Меня или ликвидируют, как опасного свидетеля, или, в лучшем случае, заставят выполнить этот чертов заказ. А пахнет он при неудачном раскладе явно не отдыхом в Сочи. Ты о такой свободе мечтал, восемь лет парясь на нарах? Украл, выпил и снова в тюрьму? Хочешь обратно туда?

Нет!

Я сидел на шлюпочной палубе. В торце, около ограждения, возились двое мелких пацанов. Рядом с ними, разомлев на солнышке, дремала на стуле молодая светловолосая женщина. Короткое платье поддернуто кверху, обнажая белые, незагорелые бедра. Северянка. Интересно, что она делала в Дудинке? Гостила у родственников? Или наоборот живет на севере и сейчас отправилась в отпуск с детьми? Кстати, бедра у нее аппетитные...

– Витя, осторожней! Не веси на перилах.

Блондинка грозила пацанам указательным пальцем. Я непроизвольно вздрогнул. Материнский окрик разрушил идиллию. Витя? Нет больше Вити. А я вот пока жив и здоров. И принимаю воздушные ванны, свободный, как птица.

Свободный ли? Похоже, что меня уже охотутили и вот-вот возьмут на короткий поводок.

Как же поступить? Я понимал, что лучший выход – быстрее сделать ноги. Сойти незаметно на ближайшей стоянке, нанять моторку и на перекладных добраться до Енисейска. Оттуда уже можно на машине. Денег на первое время хватит. Заказчик вряд ли меня найдет.

Что же, так и сделаем. К капитану соваться бесполезно. Он сдаст ментам, а те повесят на меня убийство Прохора. Не исключено, что и Гойхмана добавят. За этими ребятами не заржавеет, да и алиби у меня отсутствует. Так что, надо смыться, пока заказчик не просек подставу, и зачищать следы. Паспорт Прохорчука, наверное, лучше выбросить – зачем лишнее подтверждение того, что я находился в доме убитого?

Достав паспорт из ветровки, я в задумчивости пролистал его. Что это? Из-под задника обложки торчала визитная карточка. Так... Ефим Леонидович Гойхман, заместитель председателя коллегии адвокатов... Эти телефоны уже никому не понадобятся. Но зачем Прохору визитка адвоката? – они и без того старые знакомые.

Я перевернул карточку. А это что еще? На обороте кто-то написал шариковой ручкой: «Натали. Привет от Ефима». Стоп! Фраза почти один к одному совпадала с той, что произнесла ночная гостья. Типа пароля?

Кажется, я начал улавливать взаимосвязи. А что если адвокат выступал посредником? Сначала договорился с заказчиком, а потом встретился с Прохором. На обороте визитки написал кодовую фразу и отдал ее Витьке. Заказчик не знал в лицо наемного убийцу, как и тот – его – иначе бы меня сразу раскусили. Но он мог знать – через Гойхмана – номер каюты киллера. Вполне возможно, что знал и его фамилию. Хотя и не факт. Но что мне это дает? Я почти топчусь на месте, а времени, похоже, в обрез. Не я один смотрю криминальные новости...

Кстати, не Витька ли в июне Бобра завалил? По срокам сходится. Черт! Если существует связь между убийством, за которое сидел Прохор, и Гойхманом, то выстраивается малоприятная для меня последовательность. Десять с лишним лет назад адвокат подряжает Прохора, и тот кого-то валит. Но его вычисляют и задерживают. Прохор не сдает Гойхмана. Тот его в свою очередь отмазывает от заказухи, а потом «греет» на зоне. Выйдя на свободу, Прохор

получает через адвоката заказ на Бобра и мочит «авторитета». А потом Гойхман передает Витьке новый заказ – на клиентов, плывущих на теплоходе... Что же, складно. Но не ладно.

Все дела между Прохором и Гойхманом мне, по большому счету, по барабану. Тем более что обоих уже нет в живых. Но подобная взаимосвязь однозначно указывает на то, что Витьке заказали убийство. Никакие кражи здесь уже не канают, для такой работы Гойхман без труда нашел бы вора. Разбой или грабеж? Но на ограниченном пространстве теплохода преступника быстро вычислят – это тебе не в темном подъезде гопстопить. Даже если шустро смыться, все равно потянется след. Нет, чтобы грабить во время рейса, надо совсем мозги потерять. Тут даже тупой фраер сообразит, что расклад гнилой, а Витька не фраер и с головой дружил. Не мог он на паленый заказ подписаться после дюжины лет отсидки.

А коли речь идет о мокрухе, то вариантов у меня нет. Разве что, выполнить заказ. Но это не вариант, а пожизненное заключение. Да и не убийца я. Так что, надо делать ноги...

Жалко, конечно, клиентов. Но если их собрались замочить, то замочат – киллеров в наше время найти не так уж и сложно. «Ты ведь в этом не виноват, верно? – спросил я себя. – К тому же, может, они и заслужили. Наверняка весь сыр-бор из-за разборок между бизнесменами криминальной масти. А они все шагают к своим миллионам если и не по трупам, то по головам. Чего из-за них подставляться?»

Как тогда мой защитник говорил? Надо знать, за кого заступаться? Кажется, так. Подлая, конечно, логика, но ведь жизнь именно ей и учит...

Я все-таки решил узнать, кто едет в семьдесят шестой каюте. Так, на всякий случай. Можно сказать, из любопытства и для очистки совести. Спустившись в коридор главной палубы, нашел нужный номер и постучался.

– Войдите!

Приоткрыл дверь. На шконке, около иллюминатора, сидела женщина средних лет. Что интересно – тоже блондинка. И довольно-таки лохматая. На второй койке, закинув ногу на ногу, лежала худенькая светловолосая девочка и с любопытством смотрела на меня.

– Извините. – В горле отчего-то запершило, и я кашлянул. – Вас Элеонорой Патрикеевной зовут?

– Нет, – откликнулась с удивлением женщина. – Я Татьяна.

– Извините. Я, видимо, перепутал каюту.

Чуть ли не бегом выскочил на палубу. Меня подташнивало и, похоже, не только вследствие похмелья. Стоял, ухватившись руками за перила, хватал ртом свежий холодный воздух и матерился про себя. Неужели эти уроды заказали женщину и ребенка? Девчонке лет десять, максимум – двенадцать. Скорее всего, мать и дочь. У Татьяны, кстати, льняные волосы. Не теплоход, а сборище блондинок. Неважно. Чего же они такого натворили? Девочка уж точно ни в чем не виновата. Хотят убить заодно с матерью? Мсть? Или? Или что? Или не убийство?

«Не юли! – возмутился внутренний голос. – Ты знаешь, что это – убийство. Гойхман не мог поручить Прохору чего-то иного. И сейчас ты ищешь лазейки для того, чтобы...»

Подожди. А если я перепутал? Номер каюты, например? Ну да, точно. Я ведь был спросонья и с бодуна. Может быть, она сказала «шестьдесят шестая»? Или – «пятьдесят шестая»? Да, кажется, так – пятьдесят шестая. Мне просто послышалось...

А если не послышалось? И из-за моей трусости убьют женщину и ребенка? Мд-а, ну и влип... Как уточнить номер? Если бы знать наверняка, что заказали мужиков, то можно плюнуть и растереть. Мужики – иной коленкор, их не жалко, а вот женщина с ребенком. Так что, если уточнить... А еще лучше – вычислить заказчика. После чего дать клиентам наводку на заказчика и свалить, пусть сами разбираются. Только как его вычислить, нечисть ночную?..

Дилемма

Почти полдня я слонялся по коридорам и палубам, выглядывая светловолосых женщин с пышными прическами. Попалось около десятка. Некоторые даже улыбались мне. Да уж... В какой-то момент вспомнил о проводнице Наташе. Роста среднего, волосы русые, кудряшки. Да еще имя... Но не многовато ли очевидных совпадений? Уж слишком примитивно. В то же время – таинственная незнакомка явно не хотела, чтобы ее узнали, даже запретила мне включать свет. Следует ли из этого, что она не может быть проводницей? Хм...

– Нашли вашу знакомую?

В метре от меня, держась рукой за боковую стойку, заняла позицию блондинка из семьдесят шестой каюты. Когда же она появилась? Вот уж задумался, так задумался.

– Что, простите?

– Я про Элеонору Патрикеевну. Так, кажется?

– А-а...

Она застала меня врасплох. Татьяна, значит. Случай завести знакомство подворачивался сам собой. Только вот, как его правильно использовать?

– Что-то вы задумались. – Татьяна улыбнулась кончиками губ. – Впрочем, отвечать необязательно. Если здесь замешаны сердечные тайны...

Повисла выразительная пауза. Она скучает – дошло до меня, вот в чем причина. Ситуация проста: одинокая женщина на теплоходе – не шибко привлекательная, но не прочь развлечься. А я – одинокий мужчина. Однако неожиданно... Неужели я могу нравиться приличным дамам? И еще небритый, как бобик, для маскировки. Но у женщин свои критерии.

– Да какие там тайны?

Что же ей ответить? Потерял навыки. Пусть и не отличался никогда болтливостью, но поддержать разговор мог без труда. Сейчас же растерялся, как пацан. Да еще базар надо фильтровать, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего.

– Собственно...

Она смотрела выжидающе, слегка прищулив один глаз.

– Собственно, и нет Элеоноры.

– Это как?

– Да так. Это я таким способом знакомства завожу. Заглядываю в каюту, делаю вид, что ошибся...

– Шутите?

– Я похож на шутника?

Теперь уже откровенно оценивающий взгляд.

– Кто вас знает... А потом?

– Что «потом»?

– Заглянули в каюту, сделали вид, а дальше?

– А дальше – знакомлюсь.

– И что же тогда не познакомились со мной?

– Ну-у, я просто не успел...

– Да ладно вам. Так бы и сказали – не приглянулась.

Взмахнув рукой, она отпустила стойку и вдруг резко покачнулась. Странно, теплоход вроде бы идет ровно.

– Как вы могли такое подумать? Вы очень симпатичная и... милая. А где ваша дочка?

– А что о муже не спрашиваете?

– А он – ревнивый?

– Был, да сплыл.

А это уже толстый намек. Надо бы отреагировать соответствующим образом. Только каким? Я никак не мог определиться с линией поведения. С одной стороны – более тесное знакомство не помешало бы. С другой...

Татьяна снова покачнулась и, переступив ногами, очутилась от меня на расстоянии полуметра. И я уловил запах алкоголя. Вот оно что! Одинокая женщина иногда выпивает, чтобы развеять скуку. Теперь понятно, откуда такая игривость.

– Мама! Я тебя везде ищу.

Девочка появилась на палубе внезапно, из открытых дверей, ведущих в холл средней палубы. Покосившись на меня, недовольно сморщила конопатый носик.

– Пошли отсюда. Ты мне нужна.

Татьяна развела руками:

– Извините, договорим в следующий раз.

– Конечно, конечно. А как зовут вашу прелестную дочку?

– Дочку зовут Марина, – сердито сказала девочка, ухватывая мать за рукав летнего плаща. – Чао.

Они ушли. Теперь я точно знал, что это мать и дочь, а муж-папаша куда-то сплыл. Очень информативно, чего уж тут... Хотя и такая информация может сгодиться на крайний случай.

Между тем небо затянули тучи и как-то незаметно похолодало. Я решил вернуться в каюту. Да еще аппетит разыгрался – с утра-то не жрамши. Достав из сумки сало (спасибо Витьку), присел к столу и вдруг увидел свернутый вдвое листок бумаги. Малява? Черные, жирные буквы угрожали и требовали: «Почему не открыли иллюминатор?! Не вздумайте закрывать!! Ждите сигнала! Напоминаю – клиенты в семьдесят шестой».

Поднял голову – кто-то в мое отсутствие на треть приоткрыл иллюминатор. Моя ловушка сработала, но почти вхолостую. Я ведь специально не открыл иллюминатор. Хотел спровоцировать заказчика на действия, которые могут его выдать. Однако он поступил просто, проникнув в каюту в мое отсутствие. Похоже, со мной ведет игру один из членов экипажа.

Неужели все-таки Наташа? У проводниц свободный доступ к ключам. Но не только у них. Наверняка есть отдельный комплект. Кроме того, если знать заранее номер каюты, можно еще и свой дубликат изготовить. Сейчас это пара пустяков. Поэтому версия с Наташей лишь шаткое предположение. А вот то, что клиенты действительно находятся в семьдесят шестой каюте, теперь сомнению не подлежит. Вот и выбирай...

Перекусив, я вернулся на палубу. В каюте не думалось, тянуло на простор и свежий воздух. Что же делать? Если я смоюсь, их убьют. Если пойду к капитану – посадят меня за убийство Прохора. Как пить дать – посадят!

И не факт, что мое заступничество спасет Татьяну и девочку. Может, переговорить с Татьяной и рассказать о готовящемся покушении? Но что это даст? О заказчике я все равно почти ничего не знаю, кроме того, что это женщина среднего роста, светловолосая и, возможно, кудрявая. А еще одета в джинсовый костюм. С такими приметами на теплоходе наберется несколько десятков. А толку-то? Тем более что эта кудрявая блондинка может быть лишь посредником.

Предположим, Татьяна обратится к капитану и попросит о защите. Но от кого? Заказчик неизвестен. А меня наверняка задержат и влепят срок за убийство Прохора. Один раз я уже пытался помочь женщине, и что из этого вышло?.. Зачем мне эта любительница клюкнуть в одиночестве? Но вот девочка...

Лучше всего написать письмо, а самому слинять с деньгами. Да вот письмо без конкретики мало поможет жертвам. Не убьют сегодня – расправятся позже. Если бы в письме указать предполагаемого заказчика, то это его засветит, и жертвы получают шанс на спасение. Только как я найду эту чертову Натали? И времени остается все меньше и меньше. Если мне дадут

отмашку, а я замешкаюсь, может случиться все, что угодно. Кто знает, на что способны эти люди? Уж на убийство они точно способны...

Так я размышлял часа два. Еще сильнее похолодало, и начал накрапывать дождь. Ничего путного в голову не лезло. И я подумал: «Да, ты можешь смотаться. Более того, тебе уже пора сматываться. Но если убьют эту забавную конопатую девчущку, то... То лучше уж сразу утопиться в Енисее».

Жребий брошен

Татьяна сидела в каюте одна. Увидев меня, удивленно вскинула брови.

– Извините, это снова я. А где ваша чудесная девочка?

– В музыкальном салоне. А вы, собственно...

Бутылки на столе нет. Это хорошо. Если она не выпивала с обеда, то уже должна быть трезвель. С пьяной бабой каши не сваришь. Тем более такой каши, которую я заварил, сев на теплоход по чужому билету.

– Татьяна, мне необходимо с вами переговорить. Только прошу вас, не пугайтесь. Вас хотят убить.

Она смотрела на меня так, будто встретила голого Карлсона, спустившегося с крыши.

– Я знаю, что у вас оригинальный метод заводить знакомства, однако...

– Я не псих. Уверяю, я говорю правду.

– Не понимаю. За что меня хотят убить?

– Причины не знаю. Но должен предупредить – вас хотят убить вместе с дочерью.

– Ну это уж слишком! – Татьяна аж привскочила.

Я выставил перед собой растопыренные ладони, словно гипнотизер, но не помогло. Похоже, я слишком резво начал разговор и получил отпор.

– Выйдите немедленно из каюты, пока я не позвала проводницу. Пожалуйста.

– Хорошо. – Я демонстративно взялся за дверную ручку. – Если вы настаиваете, то я уйду. Только попрошу. Если вам дорога ваша жизнь и жизнь дочери, не обращайтесь к проводнице и вообще к членам экипажа.

– Это еще почему?

– Сдается мне, что человек, желающий вашей смерти, находится как раз среди членов экипажа. Так я пойду?

Она молчала. И я пустил в ход психологическую заготовку:

– У вас, кстати, красивые волосы. И стрижка – модная.

– При чем тут мои волосы?

– При том, что этого нельзя не заметить. Так я пошел?

– У меня вовсе не модная стрижка. Я сто лет не была в парикмахерской... – взгляд Татьяны обрел осмысленность. Уже неплохо. А всего-то надо было сфокусировать внимание на ее неотразимой внешности. – Чего вы от меня хотите?

– Прежде всего, чтобы вы сели на место и постарались не нервничать. Договорились?

– Ну села. Чего дальше?

Я отпустил ручку и сложил ладони перед грудью.

– Извините, если я вас напугал. В настоящий момент ни вам, ни вашей дочери ничего не угрожает.

– Так все-таки угрожает или нет? Вы специально хотите меня запутать, да?

– Вы меня неправильно поняли. Вас действительно хотят убить. Но в ближайшие часы этого не произойдет.

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Поверьте мне, я ваш друг.

– А почему я должна вам верить? Вы не похожи на Иисуса Христа.

Тонкое наблюдение. Вообще-то хорошо, что она начала размышлять. Значит, немного успокоилась. И протрезвела. Но самый сложный момент еще впереди.

– Согласен. Ходить по воде, аки по суху, я не умею.

– А я такого от вас и не требую. Расскажите правду – этого достаточно.

Вот она – знаменитая женская логика. Я вам не верю, но поверю, если расскажете правду.

– А как вы поймете, что я говорю правду?

– Пойму.

Хм... Женщины, как утверждают некоторые психологи, склонны преувеличивать свою проницательность. Попробуем на этом сыграть. Впрочем, я не оставил себе выбора, решившись на разговор с Татьяной. Теперь уж надо идти до конца.

– А вы уверены, что хотите знать правду?

– Намекаете на то, что правда бывает страшной? Я, может, и не хочу, да деваться некуда. Вы ведь сами ко мне пришли. Так что, рассказывайте.

Она облокотилась на столик и подперла ладонью щеку. Ни дать, ни взять – ребенок, собравшийся слушать сказку. Да уж, сказочка будет еще та...

Свет в тоннеле

– И тогда я решил переговорить с вами, – закончил я и осторожно покосился на Татьяну. Но она смотрела прямо перед собой, на противоположную стенку. – Уж хотите – верьте, хотите – нет.

Она долго молчала, нервно водя указательным пальцем по столешнице.

– Значит, вам заказали наше убийство?

– Не мне, а Виктору Прохорчуку, Прохору.

– Ну да. Да, я поняла... Знаете, а я вам верю. Такое невозможно придумать. Да и зачем? Ведь так?

– Так, – согласился я.

– Если вы, разумеется, не сумасшедший.

Я благоразумно помолчал, пока она изображала взглядом рентгеновские лучи.

– И вы решили нас спасти?

– Именно так. Решил.

– Совестливый?

Не люблю я подобных разговоров после восьми лет, проведенных в специфической компании. Потому слегка завелся:

– Скорее, жалостливый. А еще жадный и трусливый.

– Не поняла... Что вы имеете в виду?

– Сто тысяч они мне уже заплатили? Вот я их прикарманю и смоюсь. Получается, жадный. А на убийство не пойду, потому что боюсь схлопотать пожизненный срок. Теперь понятно?

Она посмотрела на меня с испугом.

– Вы не злитесь, пожалуйста. Это все так неожиданно... Что я должна делать?

– Постарайтесь мне помочь.

– Чем?

– Подумайте о том, кому может быть выгодна ваша смерть.

– Но... Ума не приложу.

– Не исключено, что это связано с какой-то информацией. Где вы работаете?

– В детской городской больнице. Я экономист.

– Может, какие-то хищения? Главврач ворует, вы что-то прознали, сказали ему. Могло такое быть?

– Ерунда. Я только смету составляю. Да и какие там хищения при таком бюджетном финансировании?

Это верно. Не годится. Я покачал головой.

– А месть?

– Мест? Не понимаю. Я никогда и никому не делала плохого. И вообще очень редко ссорюсь с людьми.

– Я тоже не понимаю. Какие еще могут быть мотивы?

Посмотрел на нее. На пальце золотое колечко с камушком, в ушах – маленькие сережки. Я не разбираюсь в драгоценностях, но не похоже, чтобы это тянуло на много миллионов.

– Почему вы на меня так смотрите?

– Может быть, вы богаты? Точнее, я хотел сказать, не связано ли это с наследством?

– Наследство? После меня? Разве что двухкомнатная квартира. На зарплату экономиста особенно не разбежишься.

И это верно. В чем же крючок?

– Простите, а кто ваш бывший муж? Вы сказали... Я так понял, что вы были замужем.

– Да, это так... Мы развелись еще лет десять назад. Вот бывший муж – очень богатый человек. Занимается лесозаготовками, мебель производит и прочее.

Я пытался поймать ускользающую мысль. Что меня больше всего поразило, когда я узнал о заказе? То, что женщину хотели убить вместе с ребенком. Я еще подумал: чем он провинился?

– А девочка? Она...

– Марина... наша дочь.

– У вашего бывшего мужа есть другие дети?

– Мы не общаемся после развода. Но, кажется, что нет.

– Совсем не общаетесь?

– Да. Знаете, я просто вычеркнула его из памяти.

– А как же дочка?

Она долго не отвечала. В итоге ответила не по существу:

– А какое вам дело? Это наши личные дела.

– Может, и так. А, может, и нет. Мне непонятно, неужели он совсем не видится с дочерью? В конце концов, он же должен давать деньги на ее содержание.

– Это долгая история. – Щеки ее внезапно порозовели. – Даже не знаю, зачем я вам это говорю... Видите ли, он считал, что Марина – не его дочь. Из-за этого мы и развелись. И я вычеркнула его из памяти.

– Даже на алименты не подали?

– Нет.

Так. Что-то тут не вяжется. Не подоить папашу-миллионера для блага родной дочери? Не похоже это на женщин.

– Значит, вы не знаете точно, есть ли у него другие дети?

– Думаю, что нет.

– Но если вы не общаетесь, откуда...

– Ну... есть тут один нюанс. В общем, он бесплоден. Это выяснилось, когда... В общем, это не так важно.

Вот оно что. То-то она покраснела и упирается, как Зоя Космодемьянская на допросе. Изменила мужу, забеременела от любовника. А потом муж, видимо, что-то прознал или почувствовал неладное и собрал соответствующую информацию. В результате – развод. На алименты она не стала подавать, потому что при генетической экспертизе все всплывет, а суд она, есте-

ственно, проиграет. Возможно, что существуют еще какие-то обстоятельства, но для меня сейчас не это важно. Важно, что де-юре Марина продолжает считаться дочерью этого богатея-лесозаводчика. И если у него нет других детей...

– Как его зовут?

– Матвей Галушко... Я так устала от нашего разговора. Скажите, почему бы нам не обратиться к капитану?

– Пока не надо. Поверьте, это преждевременно и... И даже опасно.

– Почему? Бойтесь, что вас арестуют?

– И это тоже. Но, видите ли... Я не могу исключать того, что капитан в сговоре с убийцами, – соврал я. А что делать? Если она побежит к капитану, то я пропал. Да и она, возможно, тоже. – Но на данный момент опасаться нечего. Ведите себя спокойно, только не стоит сегодня гулять по палубе. И дверь закрывайте на ключ.

– Хорошо, – она послушно кивнула.

Я умею убеждать и уговаривать. Недаром психология когда-то была моим любимым предметом после тактики допроса. Разве что на зоне несколько утратил навыки общения с дамами.

– Я схожу за дочкой, ладно? – неуверенно произнесла Татьяна. – А то как-то...

– Сходите. Но не говорите ей ничего. Зачем лишний раз нервировать ребенка?

– Я понимаю. А вы, вы что будете делать?

– Мне нужно кое-что выяснить. Я буду держать вас в курсе.

Разговор с Татьяной навел на след, который требовалось немедленно отработать. Я зашел в библиотеку и попросил подшивки красноярских газет. Задумчивая шатенка лет сорока (уф, хоть эта вне подозрений), с увлечением разгадывавшая японский кроссворд, недоуменно хлопнула ресницами:

– Подшивки?

– Ну да.

– Вы смеетесь? Библиотека здесь всего три месяца работает, пока навигация идет. – Реагируя на мое расстроенное лицо, добавила: – Почитать хотите? У нас журналы имеются.

– Да нет. Мне бы чего-нибудь новостное. Понимаете, я два месяца в тайге сидел, геолог. От жизни отстал, хотел в курс местных событий войти.

– А, если так... К сожалению, есть только пара свежих номеров «Городских новостей». Относительно свежих, купили перед выходом из Красноярска. Устроит?

– Уже хлеб. Дайте глянуть.

В номере за пятнадцатое августа ничего подходящего я не нашел. Шатенка, с любопытством наблюдавшая за тем, как я шустро просматриваю текст и переворачиваю страницы, спросила:

– Что, ничего интересного?

– Почему? Кое-что попадает. Вот, новый асфальт на улице Республики положили. Просто я умею читать по диагонали. Есть такая методика быстрого чтения.

Искомое обнаружилось в номере от семнадцатого. Небольшой некролог на последней странице городской газеты сообщал о скоропостижной смерти известного бизнесмена и мецената Матвея Галушко. Вот и мотив – дочь покойного может стать владелицей огромного состояния.

Миллионер скончался пятнадцатого августа, а из этого вытекало, что заказчик имел примерно неделю на то, чтобы организовать убийство наследницы. До того, как она очутится на теплоходе. Срок очень сжатый, но реальный при наличии контактов в криминальной среде. Татьяна, в свою очередь, могла и не знать о кончине бывшего мужа, которого, по ее словам, давно вычеркнула из жизни. Да еще и находилась в момент смерти в Дудинке. А вот заказ-

чик, понятно, в курсе и при таком раскладе имеет явные притязания на наследство олигарха. Могут ли быть другие мотивы для убийства ребенка? Трансплантация органов? Если только на уровне бреда.

– Уже все? – с разочарованием спросила шатенка, когда я положил газету на стол.

– Была бы подшивка, я бы у вас до утра задержался.

– Да? – Она машинально, словно перед зеркалом, поправила прическу. – Вообще-то мы по ночам не работаем. По ночам надо отдыхать.

– Вы так считаете? Интересное предложение.

Кажется, скоро я научусь улыбаться, как Антонио Бандерас. Или кто там у них сейчас в моде? Бред Пит?

Момент истины

Я отправился к себе, чтобы обдумать все в тишине и без посторонних. Тем более шел дождь. Доставая из кармана ключ, приблизился к каюте и остановился, словно вкопанный. Вот те на! А дверь-то приоткрыта. Я осторожно, пальцами, надавил на нее.

Около столика, спиной ко мне, стояла проводница Наташа. Резко шагнув вперед, я захлопнул дверь. Наташа вздрогнула и обернулась.

– Ой! Как вы меня напугали.

В руке она держала бумажный самолетик.

– Что вы делаете в моей каюте?

– Прибираюсь, – проводница кивнула на пылесос у стены. Хм, маскировочка для идиотов. Таких совпадений не бывает. Зато иногда бывает так, что долго ищешь то, что находится под самым носом.

Я перевел взгляд. На этот раз Наташа была одета не в униформу, а в короткий синий халатик. Коленки у нее выглядели обалденно, но я старался не отвлекаться. Посмотрел на сумку под столиком. Замок открыт. А ведь я, вроде бы, его задерживал. Рылась в вещах? На дно, под картонную подкладку, я засунул справку об освобождении. Неужели нашла?

Я вырвал самолетик из пальцев проводницы.

– А это что?

– Не знаю. Валялся на полу, – она растеряно улыбнулась.

Я развернул самолетик, сделанный из обычного тетрадного листа. На нем чернела надпись, выполненная фломастером: «Сегодня после ужина. Не забудьте про мел». Все стало ясно. Или почти все. Я не мог дальше рисковать, тратя время на детали. Поэтому рывкнул:

– Сядь на койку, Натали! И рассказывай!

– Что рассказывать?

– Все, что знаешь о плане убийства.

– Какого убийства?

Под дурочку косишь? Ладно. Ногой вытащил из-под столика сумку. Где там моток веревки? Прохор знал, что делал, когда запасался этим добром.

– Ты... вы... Что ты хочешь?

– Для начала свяжу руки. А потом ты мне все расскажешь. Мне терять нечего.

Я демонстративно взял со стола открытый складной нож и сунул клинок под нос кудрявой красотке.

– Пикнешь – убью. Нервы у меня слабые. Поняла?

Она кивнула. Сообразительная. Ей же лучше. Я захлопнул иллюминатор, потом пихнул проводницу в угол и начал связывать ей руки. На ходу рождался план. «Если эта подруга не захочет говорить, упакую ее как следует и оставлю в каюте. Пока найдут – полдня пролетит,

а то и больше. За это время выберусь с теплохода и уйду по Енисею на моторке. Татьяна же обратится к капитану. А дальше подключится милиция».

Внезапно хлопнула дверь. Я резко обернулся, но все равно опоздал. У входа нарисовался коренастый мужик со шкиперской бородой под морского волка. В правой руке – пистолет с глушителем. Однако!

– Не вздумай дергаться, – просипел «шкипер». – И подыми руки. Медленно.

– Будь сделано, – послушно отозвался я.

– Ты кто?

– Кто положено. Ты сам-то кто?

Я пытался тянуть время. Похоже, влип капитально, как гроб в вечную мерзлоту. Кто еще мог ввалиться в мою каюту с пистолетом в руке, кроме сообщника Натали? Скорее всего, он знал, что проводница пошла в каюту и караулил где-то на стреме.

– Дед Пихто. Что это за баба?

Вот те раз! Я на сто процентов успел увериться в том, что вижу сообщника, но бородатый мужик проводницу явно не знал. Так кто же он? Третья сила? Или... или я перепутал, и Наташа не имеет отношения к убийству?

– Ты что, тупой? – я дерзил, лихорадочно соображая, как выкрутиться из критической ситуации.

– Вот сейчас засуну тебе ствол в задницу, тогда и узнаем, кто из нас тупой.

– Не кипятись. Я тебя в первый раз вижу. Ты, надеюсь, не прокурор, чтобы тебе докладывать?... Ты... с Натали, да?

Он посопел, сверля меня колючим взглядом. И буркнул:

– Ну?

– Значит... ты в курсе заказа?

Мужик нервно почесал левой рукой щеку.

– А ты еще не врубился?

– Врубишься тут, когда тебе пистолетом в рыло тычут, – нервно отозвался я, судорожно анализируя факты. «Та-ак. Он все-таки сообщник. Тогда он знает, что я – киллер. И знает о моем задании. Учтем». Вслух обтекаемо пояснил:

– Если ты с Натали... Ты же понимаешь, я работаю.

Он переступил с ноги на ногу, покосился на проводницу.

– Хочешь сказать, что это – она?

– Она, – осторожно согласился я, чтобы не ляпнуть лишнего.

Пазл почти сложился. Этот тип подумал, что на койке сидит Татьяна. Из этого вытекало, что он не знает жертву в лицо. Странно. Если он сообщник и ехал на теплоходе, он обязательно должен знать Татьяну. Неужели он появился на теплоходе недавно?

Похоже на то. Но как он сюда попал? Последняя остановка была около часа назад возле какой-то деревушки. Кажется, Верещагино. Сел там? Но что он делал в глухой деревне?

– Можно, я опущу руки?

– Нет!.. Хочешь сказать, что ты – Прохор?

– А кто же еще? – на голубом глазу поинтересовался я.

– Не свисти. Прохора убили.

– С чего ты взял?

Он снова посопел.

– В криминальной хронике видел.

Вот оно что. Кажется, у меня появлялся шанс, пусть и слабенький. Самое главное, я примерно представлял, как смогу запудрить «шкиперу» мозги.

– Кого ты видел, Прохора?

– Ну-у, не его самого. Сюжет видел об убийстве.

– Вот именно, что сюжет. Прохор – это я.

Он прищурил и без того маленькие, как у борова, глаза.

– А кого тогда завалили в Дудинке?

– Друга моего убили, кореша, с которым мы вместе на зоне чалились. Хотели убить меня, а грохнули Егора.

– Это как? – свинячьи глазки расширились.

– По ошибке. Он только что с зоны откинулся и пригреб ко мне домой. – Я продолжил осторожно лепить горбатого, понимая, что моя версия может в любой момент рассыпаться в труху. – Я его оставил и поехал в лавку за жратвой. По дороге пацанов встретил, остановился с ними перетереть. А когда вернулся – он уже готовый.

– В смысле?

– В смысле, что какая-то падла пришла без меня и грохнула моего друга. Вместо меня, наверное.

– За что?

– Вот и мне хотелось бы знать.

Повисла пауза. Соображал он, видимо, туговато.

– Документы есть?

– Конечно. В ветровке.

– Доставай. Только без фокусов.

Я выполнил распоряжение.

«Шкипер» долго и внимательно рассматривал фотографию в паспорте, косясь на меня.

– Так ты что – дом сжег вместе с трупом? Решил по ходу следы замести?

– Именно. Пока не разберусь в том, кто меня подставил.

– Понятно... А я уж подумал, что самозванец объявился.

– Какой я самозванец? Мне бы вычислить, кто меня заказал. Потому и с Татьяной решил по душам потолковать.

Я мотнул головой в сторону Наташи.

– И чего?

– Ничего она не знает. Правда, теперь я знаю, из-за чего вы решили их убрать.

– Из-за чего?

– Из-за наследства, естественно.

Упомянув о наследстве, я попытался спровоцировать бородача на откровенность, но он промолчал. И тогда я рискнул проявить любопытство:

– Слушай, как тебя зовут?

– Какая тебе разница?

Мне не понравилось, как он напрягся. И палец лег на спусковой крючок. Что-то его насторожило. Или он просто решил, что я слишком много знаю? Размышлять было некогда.

– Кстати, если ты мне не веришь, у меня есть интересный документ.

– О чем ты?

– Посмотри в боковом кармане.

Я изобразил самую миролюбивую улыбку, которую только мог, и лениво помахал правой рукой.

Он вздохнул и, наклонив ствол пистолета, озадаченно уставился на мой боковой карман. Секундной расслабленности противника мне хватило, чтобы сгруппироваться и провести свою коронную двойку: левой в солнечное сплетение и правой в челюсть. Бородатый всхлипнул и завалился вбок, выронив пистолет на пол.

Я обернулся. Проводница сидела с округлившимися глазами. Но, что поразительно, молчала. Впрочем, подобное бывает, когда с перепугу пропадает голос.

– Наташа, ты в порядке?... Кивни мне – ты в порядке?

Она пожала плечами. Вот, глупая. Сказал же – кивни.

– Я тебе все объясню. Главное, ты меня не бойся и не кричи. Я тебе плохого не сделаю. Понимаешь?

На этот раз она кивнула.

– Сейчас я тебя развяжу.

Я подсел к проводнице и взялся за веревочный узел, который сам же успел затянуть. За время службы на флоте я хорошо освоил науку вязания узлов, а мастерство, как известно, не пропьешь. Если пить в меру.

– Понимаешь, этот мужик вместе с сообщницей решил убить одну вашу пассажирку с ребенком. Татьяной ее зовут. Из-за наследства. Представляешь, какие козлы?

– Они козлы, а ты кто?

От неожиданности я даже перестал разматывать веревку. Она еще и с черным юмором?

– Я? Я не убийца, честное слово... Вот. Не больно?

Девушка ожесточенно потерла запястья, потом проворчала:

– Терпимо. Так кто ты? Тебя Прохором зовут?

– Нет, я не Прохор. Прохора и на самом деле убили. А я только забрал его паспорт и билет на теплоход. Хотел быстрее смотаться из Дудинки. И деньги сэкономить заодно. Вот и сэкономил на свою голову.

– Я догадалась. Значит, ты Егор, который сидел вместе с Прохором?

Надо же, какая сообразительная! За легкомысленной внешностью пухлогубой блондинки скрывалась смышленная особа с крепкими нервами.

– Да, я сидел. Но я не бандит.

– Ага. Просто мимо проходил.

Внезапно, совсем не по ситуации, мне стало смешно. А я ведь действительно «просто проходил мимо», когда отморозки тащили ту девчонку в подворотню. Мог бы и не вмешиваться, и считался бы до сих пор добропорядочным гражданином. А теперь – уголовник.

Ладно, Наташа, не до того сейчас. Может быть, объясню при случае, какой я бандит.

– Ты мне не веришь?

– А документы у тебя есть? Собственные?

Я полез под стол в сумку и извлек оттуда свою справку. Слава богу, лежала на месте.

– На, читай.

Она подозрительно долго изучала документ, даже губами шевелила.

– Так ты, значит, Егор Строгов?

– Ну да. Теперь веришь?

Она смотрела в сторону.

– Можно мне уйти?

Я колебался три-четыре секунды.

– Можно. Если не хочешь спасти женщину и ребенка.

Теперь уже заколебалась она.

– А... ну... я-то тут при чем?

– Я могу помочь Татьяне. Но идти к капитану нельзя, сразу арестуют. Мне бы теперь найти сообщника. Тогда все прояснится. Понимаешь?

– Не совсем.

– У этого уroda, – я показал пальцем на бородача, – на судне сообщница. Думаю, среди экипажа. Я тебя как раз с ней и перепутал. Скажи, у вас есть в экипаже светловолосая женщина с пышной прической, возможно, что кудрявая?

– Даже не знаю. Блондинки-то есть, но вот пышные волосы... А почему ты ищешь именно женщину?

– Потому что у этого человека такой голос... низкий, но воркующий. Мне почему-то показалось, что женщина говорит. И прическа вроде бы женская.

– Подожди... У нас электрик работает, патлы у него – дай бог!

– Блондин?

– В том-то и дело, что до вчерашнего дня был блондином. А сегодня смотрю – уже шатен.

– Я чего-то не соображу. Перекрасился, что ли?

– Ну да. Но он это периодически делает. Так что, никто не удивляется – товарищ специфический. Голосок у него, кстати, тоже специфический.

Не успел я осмыслить последние слова, как в дверь постучали. Я показал Наташе на туалетную комнату – мол, быстро давай туда. Уже находясь внутри тихо спросил:

– Как зовут электрика?

– Артем Галушко, – прошептала Наташа, прижавшись ко мне грудью и едва не касаясь уха губами. Меня чуть не заклонило, но тут в каюту кто-то вошел.

– Сергей, что с тобой? Ты жив? – голос был тот самый: низкий, с легкой хрипотцой и... ну очень похож на женский.

Я выскочил из туалета, прикрыв за собой дверь. Кудрявый шатен повернулся ко мне и в долю секунды посерел, словно весенний снег.

– Привет, Артемчик!

– Э-э...

– Падай на койку и не рыпайся. Решил меня обдурить, сучонок? Колись, падла!

Я направил на него пистолет.

– Я вас не понимаю.

– Сейчас поймешь. Твой подельник мне кое-что рассказал. Я знаю, что вы решили грохнуть Татьяну и ее дочку из-за наследства. Ведь так?

– Ну-у...

– А ты, как я понимаю, родственник покойного Галушко? Видимо, наследник второй очереди?

– Ну-у...

– Не нукай, а рассказывай.

– А вы, простите, кто?

– Прохор, естественно.

Он покосился на бородатого, но тот валялся без движения. «Ну рожай, пупсик! Вариантов у тебя немного».

– Прохор? Э-э...

– Слушай, Натали! Может тебе для полного счастья привет от Ефима передать?

– Э-э... в каком смысле?

– В том смысле, что Гойхмана уже замочили, а вот я еще живой. И если ты, козел, не перестанешь лепить горбатого, я тебя урою вместе с твоим гнилым дружком. Сдается мне, что это из-за вас, говнюков, меня в Дудинке чуть не грохнули. Так?

Я демонстративно переложил пистолет в левую руку, а ударную правую сжал в кулак.

– Считаю до двух – больше не умею.

– Вы это, не нервничайте. Так вы – Прохор?

Очко! Теперь я тебя расколю.

– Нет, Сидор!

– Прошу вас, не надо на меня кричать. Это так нервнует. Чего вы хотите?

– Я хочу участвовать в дележе наследства. Ясно? Или мы сейчас договариваемся, или я иду к Татьяне. Думаю, она оценит мое благородство.

– Хотите договориться с ней?

– Ну да. У тебя есть другие предложения?

– Э-э... не думаю, что у вас получится. Вряд ли Татьяна вам поверит. Да и зачем ей с вами связываться?

– Затем, что она не дура, и хочет знать, от кого конкретно исходит угроза. И это знание стоит того, чтобы пожертвовать частью наследства.

Он недоверчиво сузил глаза.

– Сомневаюсь, что у вас выгорит. Я-то вам плачу наличными. А чего там Татьяна решит – бабушка надвое сказала.

– Дурак ты, вместе со своей бабушкой. Татьяна уже решила.

Артем непроизвольно сглотнул слюну и закашлялся. Потом, бегая глазами, спросил:

– Простите, я не понял.

– Не дошло еще? А я-то считал тебя смышленным. Думаешь, я случайно иллюминатор не открывал? Я же тебя специально заманивал, чтобы вычислить. Мы с Татьяной так договорились: я вычисляю заказчиков и отправляю их к праотцам. Это называется – окончательно решить проблему. Нет человека, нет проблемы – слышал такую фразу?

Он опустился на шконку. Ноги, что ли, ослабли? Ладно, пусть посидит. В ногах правды нет. Деваться ему некуда. Скорее всего, он понимает, что я могу блефовать. Да вот только в его ситуации проверять меня – себе дороже.

– Если вы с ней уже договорились, то я вам зачем нужен?

– Видишь ли, денег никогда не бывает достаточно. Вот я и прикинул, что могу дать тебе последний шанс. Ежели, конечно, сторгуемся.

– А сколько она вам предложила?

Ишь ты, глазки снова заблестели. Ожил, крысеныш.

– Хочешь поторговаться? Может, еще аукцион объявим или, как там, тендер? Рожай короче, урод. А то я в последнее время нервный стал.

Артем помолчал, размеренно моргая белесыми ресницами. Потом промурлыкал:

– Вы такой брутальный... Берите двадцать процентов.

– Сорок. И от всех активов.

– Но... Ведь еще доля Сережи...

Бородач, словно отзываясь на имя, тихо застонал. Недолго думая, я пнул ему по челюсти. Пусть еще отдохнет.

– Не будет у него никакой доли...

– В смысле?

– В смысле, что нахлебники мне не нужны.

– Вы хотите сказать...

– Хочу. Считаю, что твой Сережа уже выбыл из игры. Так мы партнеры?

– Ну-у...

– Ну?!

– Если вы настаиваете...

– Очень настаиваю. Так, что спать не могу. Излагай ваш план. И не вздумай врать – пойдешь на корм рыбам.

Для убедительности я ткнул ему пистолетом прямо в нос. И блондинчик запел.

Чистосердечные признания

Все началось с внезапной смерти от инфаркта Матвея Галушко. Завещания лесозаводчик составить не догадался, видимо, рассчитывал жить еще долго. У него была только одна прямая наследница – дочь Марина, с которой он практически не общался после развода с женой. Артем, как племянник Галушко, являлся единственным наследником второй очереди. Отец Артема, старший брат Матвея, умер несколько лет назад, а других близких родственников

у миллионера не осталось. Однако племянника он при жизни не привечал из-за его специфических наклонностей и ничем не помогал. Тот работал электриком в речном пароходстве, а в навигацию ходил на пассажирских теплоходах.

О смерти дяди Артему сообщил Сергей Сазонов, начальник службы безопасности в концерне Галушко. Сазонов, знакомый с Артемом, появился прямо на теплоход и огорошил:

– Дядя твой позавчера умер, завещания нет. Теперь все деньги и активы достанутся Маринке и ее мамаше, а не тебе. Не жалко?

– И что ты предлагаешь?

– Я тут справки навел. Ваш теплоход завтра уходит в Дудинку, ведь так?.. Ты знаешь, что Татьяна с дочкой гостит там у матери?.. По глазам вижу, что не знаешь. Так вот, обратно они возвращаются на вашем теплоходе. Есть у меня в Дудинке один человек, который может подсобить. Если сделаем все быстро и чисто, наследство отойдет тебе. Ну а ты уже со мной поделишься, по-братски. Идет?

Отморозки разработали следующий план. Знакомый Сазонова, адвокат Гойхман, дал ему наводку на киллера по кличке Прохор. Тот должен был купить билет на рейс Дудинка-Красноярск и расправиться там с Татьяной и ее дочкой. Чтобы не светиться перед киллером, планировалось, что Артем будет все указания передавать в письменном виде, а письма и деньги подбрасывать через открытый иллюминатор. Сначала сообщается номер каюты, в которой находятся жертвы, и передается аванс. Затем Артем указывает конкретное время, когда надо совершить убийство. Убив, киллер оставляет на двери пометку красным мелком. Артем заходит в каюту жертв, убеждается в том, что работа сделана, и закидывает киллеру через иллюминатор вторую часть гонорара. После этого, глубокой ночью, в удобное время киллер выбрасывает тела за борт и получает окончательный расчет.

Так они спланировали. Но я не открыл иллюминатор, да еще и весь день безвылазно сидел в каюте. Поэтому Артему пришлось ночью проникнуть в каюту для выяснения обстоятельств.

– Интересный план, – сказал я. – Хитрый. Даже чересчур, Агата Кристи отдыхает. К чему эти заморочки с иллюминаторами и крестиками мелом? Не проще было бы общаться с киллером напрямую?

– Для кого-то, может, и проще. Для отморозков каких-нибудь. Но я не хотел, чтобы наемный убийца знал меня в лицо. Зачем мне такая известность? А если бы этого киллера затем милиция заохмутила? Он ведь сдал бы меня, верно?

– Может быть. Слушай, а почему вы хотели совершить убийства обязательно на теплоходе?

– Видите ли, решить вопрос в Дудинке мы просто не успевали. – Галушко развел руками. – А до Красноярска откладывать было нельзя. Там ведь уже конкуренты ждут.

– Какие конкуренты?

– Так мы не одни такие сообразительные. Есть люди, готовые Маринку с матерью облизать, чтобы к деньгам подобраться. Юристы там всякие... А мы их – р-р-раз! И кончики в воду... А наследство – мне.

Он самодовольно усмехнулся. А меня аж передернуло.

«Ушлые, твари, – подумал с отвращением. – С их живодерской точки зрения всё логично. Теперь понятно, почему Прохор подписался на мокруху, не боясь засветиться на теплоходе. Руки-ноги связываются у трупов, чтобы не болтались, тела ночью вытаскиваются через иллюминатор на главную палубу и сбрасываются в воду. От главной палубы до воды недалеко, и снизу никто не ходит. Лучше не придумаешь. Факта убийства без трупов нет. А где их найдешь? Енисей – не Москва-река».

– Ладно, предположим. А почему такое имя – Натали?

– Натали? Для отвода глаз. Кроме того... – Артем кокетливо поправил завиток у виска. – В общем, так романтичней.

«Романтик, значит? Ну-ну...»

– Ладно. В общих чертах понятно. Теперь возьми веревку и свяжи своему дружку руки.

– А-а...

– Ты делай, что велено.

Пока Галушко затягивал веревки, я посматривал на Сазонова – не оклемался ли? Ага. Кажется, дыхание изменилось.

– Все? – Блондинчик аж вспотел.

– Нет, не все. Сейчас ты его прирежешь.

– Чего-о??

– Того! А как ты хотел, чистеньким остаться? Татьяну с дочкой, так и быть, я пришью сам. Потом ночью выбросим тела в воду, и дело в шляпе. Думаю, так будет по-честному.

Артем некоторое время молчал, подергивая, словно крыса, вздернутым носом.

– Решайся. Это как клятва на крови. – Я кивком подбородка указал на стол. – Бери этот нож и бей в сердце.

– Может, все-таки...

– Надо, Федя, надо. Ведь мы же партнеры?

Я провоцировал Артема, надеясь вызвать ответную реакцию Сазонова. Тот, по моим прикидкам, уже очухался и вслушивался в разговор.

– Ладно, я согласен.

– Молодец, – произнес я громко и отчетливо. – Кончишь Серегу – и будешь в доле.

– Только я... я это, крови боюсь.

– А ты сразу отвернись, как пырнешь его.

Галушко тяжело вздохнул и приблизился к столику.

– погоди, Прохор, послушай, – просипел Сазонов, открывая глаза. – Не верь этой падле. Артем хотел тебя убить после того, как ты избавишься от трупов.

– Вот как?

– Да врет он все, – тут же среагировал Артем. – Это он хотел вас убить. И адвоката заодно, чтобы следы убрать.

– Это как? – меня трудно удивить, но тут я удивился.

– Понимаете, мы уже обо всем договорились, но тут Гойхман решил поднять расценки. Он узнал о смерти моего дяди и сообразил, зачем мы хотим убрать Татьяну с девчонкой. Ну и стал требовать, чтобы мы увеличили оплату. Мол, заказ сложный и срочный, а вы потом хорошее лавэ срубите...

– Чего ты распелся тут перед ним? – произнес зло, будто выплюнул, Сазонов. – Молчал бы, дурак.

– Сам ты дурак, – огрызнулся Галушко. – Мы с Прохором партнеры.

– Верно, Артем, – поддержал я. – Между партнерами тайн быть не должно. Валяй дальше.

– Так вот. Это случилось буквально накануне, двадцать третьего августа. Сережа прилетел в Дудинку, чтобы отдать адвокату его долю за посредничество. А тот и говорит: мол, условия изменились, надо повысить ставку. Сережа пришел ко мне на теплоход, мы посоветовались и решили, что адвоката необходимо убрать. Мы боялись, что он потом будет нас шантажировать и еще требовать деньги.

– Правду он говорит, гражданин Сазонов? – Я слегка пнул бородача по ноге. Тот поморщился, но промолчал. – Значит, правду. Давай дальше, Артем.

– Мы спланировали, что Сережа уберет адвоката сразу, как отчалит теплоход. Потом бы он на рейсовом самолете прилетел в Туруханск, дождался теплохода и сел на него. Затем мы даем вам сигнал, вы убиваете... Ну, кого надо. Ставите на двери крестик, получаете деньги. Затем избавляетесь от трупов и ждете расчета. Но тут появляется Сережа и, пардон, мочит вас. Труп за борт – и все.

– А меня-то вы за что решили убить? Денег пожалели?

– Нет. Бог с ними, с деньгами, раз уже договорились. Мы опасались, что узнав об убийстве Гойхмана, вы догадаетесь, кто его убрал. Ну и будете искать заказчика. Нас, то есть. Вот и решили, что свидетелей лучше не оставлять. Но это Сережин план был, клянусь мамой! Не мой.

– Не клянись матерью, урод, – сказал я. – Так что именно у вас не срослось?

– Зачем вы грубите? Вы и без того сильный мужчина.

Несмотря на специфические обстоятельства этот неисправимый урод продолжал строить мне глазки.

– Видите ли, Сережа договорился о встрече с адвокатом, но тот исчез. Пока пытался выяснить, что случилось, опоздал на рейс.

– Подожди. Так это не он убил адвоката?

– Нет, не он. Мы не знаем, кто это сделал. В гостинице Сережа увидел сюжеты об убийстве Прохора и адвоката и понял, что ситуация изменилась. Связаться со мной по сотовому он не мог, потому что на теплоходе сети нет. А я... я занервничал, когда он не подсел к нам в Туруханске. Ждал, ждал, а потом решил дать вам отмашку. Думаю, бог с ним, с Сережей, без него справлюсь. С вашей помощью, разумеется. А вас убрать, извините, можно и позже. В Красноярске, например.

– И что дальше?

– А тут Сережа появился. Он заплатил экипажу и прилетел в Туруханск на грузовом вертолете. Потом на катере обогнал теплоход и на стоянке у Верещагино сел на борт. Мы посоветовались, и он пошел к вам. Разбираться. Как-то так.

– А, разобравшись, собрался меня убить?

Я покосился на Сазонова. Тот хмуро пялился в потолок. Потом пробурчал:

– Нет. Я хотел, чтобы ты сначала Татьяну и девчонку замочил. При мне. А уже потом я бы тебя пришил. Тем более что ты о наследстве пронюхал и меня видел. Трупы мы бы с Артемом потом выбросили.

– Спасибо за честность. Так вы, ребята, при таких талантах могли и без меня справиться.

– Не могли. Думаешь, легко женщину и ребенка убить? А затем стало поздно план менять. Когда Гойхман потребовал дополнительные деньги, я, было, подумал, не дать ли отбой Прохору? В смысле, попробовать самим все сделать. Но понял, что Гойхман не отвяжется – узнает об убийстве и начнет шантажировать. Он об этом чуть ли не открытым текстом сказал: мол, без меня у вас теперь все равно не получится. Поэтому я решил, пусть все идет по намеченному плану. То есть ты убираешь девок, а я уже затем подчищаю.

– Решили на меня самую грязную работу свалить?

– А что? Тебе не привыкать. Не сравнивай с собой. Бабу грохнуть куда ни шло. А ребенка – запаadlo.

Я чуть не поперхнулся – гуманист хренов!

– Сам-то, небось, жить хочешь?

– Хочу. А чего?

А того – собрался я сказать перед тем, как врезать муд... по ребрам, да не успел. Все-таки недооценил я сучонка. Отвлекся на Сазонова, а Артем схватил со столика нож и метнул в меня. Сработали рефлексy: моя левая рука вскинулась вверх, отбивая клинок в сторону, а указательный палец правой нажал на спуск. Через секунду Галушко заскулил, ухватившись за простреленное ухо.

– Вот и приплыли, – пробормотал я, осматривая окровавленный локоть. – Наташа! Выходи и зови капитана. Мы сдаемся.

Эпилог

В Енисейске всю нашу теплую компанию «приняли» менты. Сазонова и Галушко оставили в Красноярске, а меня этапировали в Дудинку.

Я ожидал, что мне будут шить убийство Прохора. Но к моему огромному удивлению ситуация в итоге повернулась по-иному. Еще до моего ареста следствие вышло на настоящих убийц. Свидетели запомнили машину, которая подъезжала к дому Прохорчука. А дальше братки сами наследили.

Когда они зашли в ограду, на одного из них накинута овчарка и вцепилась в ногу. Бандит растерялся и с испугу застрелил собаку из пистолета с глушителем. Но в пасти собаки криминалисты потом нашли кусочек штанины со следами крови. А мнительный браток еще и обратился в больницу, чтобы поставить укол от бешенства. Менты пробили медпункты и захомутали покусанного бандита. Дальше сопоставили группу крови плюс потожировые следы на штанине, провели экспертизу пуль... Короче, дело техники. В тот момент, когда меня арестовали, опера уже вовсю кололи преступников.

За что убрали Прохора и Гойхмана? Как я и предполагал, за то, что адвокат организовал заказ на Боброва, а Прохор его выполнил. Люди из «бригады» Бобра сумели вычислить Прохора, а затем и Гойхмана – о нем Прохор рассказал под пыткой.

Меня запросто могли посадить. Хотя бы за то, что я поджег дом. Но следак предложил сделку. У следствия не хватало доказательств на бобровских братков, и мне «посоветовали» чуток подправить показания. Мол, скажи, будто бы видел, как «Нива» с бандитами отъезжала от дома Прохорчука, и даже опознал одного из них – Сыча, разумеется. И я пошел на сделку, став чуть ли не главным свидетелем обвинения. В конце концов, Сыч всегда был дерьмом. Да и за Витьку хотелось отомстить. Каждый должен платить по своим счетам.

Почему следствие так старалось расправиться с «бригадой» Бобра? Уже после, когда меня выпустили из ИВС, знающие люди растолковали откуда ноги росли. Оказывается, Боброва заказал мэр города, который боролся с ним за контроль над Дудинским портом. Так что, братки были обречены. А я просто попал в переплет. Однако в конечном итоге мне подфартило. Срок я все равно схлопотал, но условный.

«Счастливый билет ты вытащил, парень», – так и сказал мой защитник. По иронии судьбы им оказался тот же самый адвокат, который вел мое первое дело. Адвокаты жизнь знают, чего уж тут спорить. Но какая-то трусливая и кривая у них правда.

В общем, почти год, до самого суда, я провел в следственном изоляторе. Следак сказал: мол, так даже надежнее, чтобы бобровские не замочили. Да и жить в Дудинке тебе негде. Что мы тебе – гостиницу будем оплачивать?

Тоже верно.

Когда я, наконец, добрался до Красноярска, Маринка уже вступила в наследство, и Татьяна получила контроль над концерном бывшего мужа. Я зашел к ней, попросил помочь с работой. Она не отказала, устроила на лесобазу охранником. Правда, сказала, чтобы я ее больше не беспокоил. Мол, неприятные воспоминания и прочее.

Но, думаю, заковыка не в этом. Я ведь, возможно, единственный, кто знает о том, что Марина не является дочерью Матвея Галушко. Вот Татьяна и побаивается, что я захочу из этого знания выгоду извлечь. Однако подобный финт ушами не для меня. Мне чужих денег не надо. Хватит. Чуть не обжегся один раз.

Так или иначе, на Татьяну я не в обиде. Помогла работу найти – и на том спасибо. С моей биографией о подобном месте можно лишь мечтать.

А на днях я случайно встретил на улице Наташу-проводницу. Пообщались, то, да се. Я, конечно, начал извиняться. Мол, напугал я тебя тогда. А она смеется – зато мне понравилось, как ты на меня смотрел. Подшучивает, короче. И как-то у меня само собой с губ сорвалось:

– Вопрос, конечно, личный. Извини, если что. Ты замужем?

– Нет.

– Тогда, может, как-нибудь в ресторане посидим?

Наташа вдруг улыбаться перестала, нахмурилась. Ну, думаю, облом. Зря губы раскатал. Зачем такой красотке бывший уголовник? А вслух говорю – небрежно так, чтобы лицо сохранить:

– Я это в общей перспективе. С меня вроде как причитается за доставленные неудобства. Да и помогла ты мне тогда здорово. В общем, будет желание – звони. А нет – так нет.

Она молчит и мнется. Потом вдруг спрашивает:

– Я тебе, что – нравлюсь?

Я аж опешил. Растерялся как-то. Уж слишком в лоб. Хотя от Натальи всего можно ожидать. За словом в карман не лезет.

– Ну-у, – мямлю. – В некотором роде. А что, это важно?

– Для меня – важно. Даже очень.

Ну, думаю, влип. Так и в ЗАГС потащит. С другой стороны – даже приятно как-то стало. Женщина-то она хорошая. Нутром чувствую – хорошая. Только странная немного.

– Мне, – говорю, – надо с мыслями собраться. А почему для тебя это так важно?

– Видишь ли... Я не хотела тебе говорить. Догадываюсь, что ты меня не узнал...

Молчит и смотрит на меня исподлюбья. Будто ждет от меня чего-то. А я сообразить не могу – о чем тема? Непонятное что-то. Что значит «не узнал»? Я ее в первый раз на теплоходе увидел. Где я ее раньше мог встречать, если восемь лет на зоне чалился? Только если еще до отсидки. Так это сколько времени прошло? Загадки сплошные у этих женщин. Отвечаю осторожно:

– Не узнал. А что, должен был?

Она плечами пожимает. А глаза – то подымет, то опустит. Будто боится мне о чем-то сказать.

– Ладно, – говорит. – Проехали. Я поняла. Если надумаю, – то позвоню. И ты – подумай.

Рукой помахала – и пошла, закачала бедрами. Это-то она умеет. Мне осталось только вслед смотреть.

Вот такой странный у нас состоялся разговор. С тех пор думаю – на что она намекала? Появилась у меня одна версия. Но если она верна, то тогда даже и не знаю, как быть. И так вертел, и этак, а решить не могу. Видимо, мало я еще в этой жизни понимаю.

<2009>

Грибные места, или Версии

Пролог

После дождя молоденькие грибы попадались на каждом шагу. Она уже почти наполнила второе лукошко и надо было бы возвращаться назад. Но ноги сами несли вверх по пологому склону, поросшему смешанным лесом. Пусть мужики ловят своих хариусов, у нее рыбалка похлеще. Вон, еще один «белый» торчит, с той стороны корня... Сделала шаг, собираясь нагнуться, чтобы срезать гриб. Но земля, подмытая снизу, неожиданно обрушилась. Женщина охнула и съехала в промоину, шлепнувшись на спину. Подняла взгляд и онемела от ужаса. В каком-то полуметре от ее лица из земли торчал человеческий череп...

- ...Ты просил сообщить, если будет информация по пропавшему леснику.
- Какому еще леснику?
- Ну Томасову, под Горно-Алтайском. Помнишь?
- Ах, да... И что?
- Туристы нашли труп. Был закопан в лесу.

Так примерно начиналась эта история. Предыдущие эпизоды я придумала или, если хотите, реконструировала. Потому что они происходили без моего участия. А вот все остальное я видела своими глазами. Или – почти все. А полной правды, так называемой, исчерпывающей картины, не существует. Даже на исповеди. Зачем сообщать подноготную посреднику, когда ТОТ и сам знает все? Вот от него – ничего не утаишь.

А вам я могу рассказать только версию. Но, как честный человек, обязана напомнить крылатую поэтическую фразу: «Мысль изреченная есть ложь».

Кто в лес, кто...

Едва стих шум вертолетных винтов, как я достала из кармана куртки мобилу. Но сигнал отсутствовал.

– Ты куда это названиваешь? Поход в вечерний клуб придется отложить. – Ляшенко смотрел на меня с легкой насмешкой.

– Какой клуб? Я бабушке хотела сообщить.

– Не получится. Здесь сотовый не берет... Ладно, не расстраивайся. Свяжемся с офисом по спутнику, я скажу ребятам, чтобы они твою бабуся успокоили. – Кирилл Ильич показал рукой на коричневую сумку у своих ног. – Связь с миром есть. Но по расписанию. Иначе что это за экстремальный туризм? Верно я говорю, Михаил Степанович?

– Верно, – хмуро отозвался Кузовлев. Шеф был смурной какой-то. Он вообще последнее время плохо выглядел...

В горы с руководством фирмы я попала случайно. Отдыхали они всегда мужской компанией. Обычно вместе с Кузовлевым и Ляшенко, начальником службы безопасности, ездили гендир Григорий Иоселиани и его помощник Нугзар. Но нынче в компанию напросилась Оксана, жена Кузовлева. Уж не знаю, как она его уговорила. Хотя такая, наверное, любого мужика уломает.

Оксана на двадцать с лишним лет моложе Михаила Степановича, почти моя ровесница. В юности стала призером конкурса «Мисс Россия». Снималась в рекламе, в мужских журналах, потом как-то подцепила Кузовлева... Он у нас крутой бизнесмен и важный политик – депутат Федерального собрания.

Так вот. Оксана меня и позвала. Мол, одной среди мужиков скучно, присоединяйся. Особого желания я не испытывала – у них своя тусовка. Хотя с Оксаной общаюсь, да и Кузовлев мне не совсем чужой человек – друг и компаньон по бизнесу моего покойного отца. Но Оксана знала за что меня зацепить. Я – страстная грибница, хлебом не корми, дай заняться «тихой охотой». Однако вокруг Новосибирска все грибные места давно истоптали. А тут – Горный Алтай, рыжики, грузди, маслята... И я согласилась.

Мы начали спускаться вниз вдоль ручья. Петр, наш проводник, объяснил, что до реки дойдем за час и там уже разобьем лагерь. Меня все время подмывало свернуть от ручья в кусты: уж очень хотелось прощупать обстановку – как там мои грузди и подберезовики? Но прямо за мной шагал Ляшенко, и я не рискнула нарушить строй – бывшего старшего следователя прокуратуры у нас на фирме многие побаивались, не только я. Вроде и голоса никогда не повышает и улыбается, но улыбка какая-то неестественная, словно приклеенная к губам. И глаза – как льдинки. Одно слово – следак.

Неожиданно Кузовлев, шедший за Петром на правах босса, замедлил ход и бочком направился к большому валуну. Все тут же притормозили, только проводник продолжал споро двигаться вниз. Но его через несколько секунд окрикнул Ляшенко:

– погоди, Петр! Стоп, машина.

Михаил Степанович между тем скинул рюкзак и осторожно опустился на валун. Пот по лицу лил градом. И хотя оно покраснело от ходьбы, но это был не румянец, а именно краснота, проступавшая неровными пятнами. Кузовлев махнул рукой и хрипло сказал:

– Подождите, ребята. Что-то запыхался я... Почаще надо на природу выбираться, а то уже от лесного воздуха плохо становится. – Он усмехнулся. – Петр, далеко еще?

– Совсем немного осталось, – проводник ответил с легким удивлением в голосе. Видимо, не ожидал, что кто-то из любителей «экстремального» туризма так быстро выдохнется. Он стоял вполоборота, рослый и крепкий, но поджарый, похожий на молодого хищного зверя.

– Вон, видите внизу скалу? От нее терраса идет. Там и поставим палатки.

Шеф всмотрелся, приложив ладонь ко лбу – солнце, миновав зенит, било прямо в глаза.

– Что, и река там?

– Конечно. Всего в метрах тридцати, только по галечнику спуститься.

Оксана присоседилась к мужу. Достав из кармана куртки пакет с салфетками, обтерла Михаилу Степановичу лицо. Потом пробурчала, глядя на Ляшенко:

– Неужели нельзя было вертолет прямо у реки посадить? На этом самом, галечнике?

– Там негде садиться, потому что склон крутой, – подчеркнуто серьезно ответил Кирилл Ильич. – А терраса вся лесом поросшая, лишь у скалы небольшой пятачок.

– А ты что, бывал здесь? – спросил Гога Иоселиани.

Вообще-то его полное имя Георгий Автандилович, но за глаза его все зовут Гогой. Странный тип. На фирме почти не появляется, но считается правой рукой Кузовлева. Оксана, как-то будучи на взводе, употребила при мне выражение «серый кардинал».

– А ты разве не в курсе? – отозвался Ляшенко. – Вместе с Нугзаром летали на разведку.

– Миша, с тобой все в порядке?

Оксана демонстрировала образец заботливой жены. Кузовлев вяло пожал плечами.

– Нет, не в порядке, – сама себе ответила Оксана. – Сейчас я тебе дам нитроглицерина.

Она сняла с плеча кожаную сумку и начала в ней рыться.

– Вы ступайте дальше, – сказал Михаил Степанович. – Чего время терять? Пока лагерь развернете. А я с Оксаной потихоньку доползу. Оклемаюсь на свежем воздухе и двинем.

Пока они вдвоем добирались, мы уже расставили часть палаток. А когда подошел Кузовлев, они с Гогой сразу достали снасти и отправились к реке, рыбачить. Мы же установили остальные платки, а потом Кирилл Ильич начал командовать:

– Значит, так. Ты, Ирина, пойдешь туда, за ручей. Твоя задача – набрать грибов на ужин. Поджарим. Нугзар с тобой.

– Это зачем? – без энтузиазма отозвался Нугзар, покосившись почему-то на Оксану. – Я грибы собирать не люблю.

– А ты и не собирай. Ирине поможешь ведра нести. И охранять будешь. Вдруг какой шальной медведь объявится или рысь?

– Ладно. – Нугзар выдержал паузу, поглаживая пальцами усы. – Тогда я свой карабин возьму.

– Вы особо-то не палите, – предупредил проводник. – Без лицензий нельзя. Разве если заяц какой...

– Мы порядок знаем, Петр, – сухо заметил Ляшенко. – С документами у нас порядок.

– А Оксана чем будет заниматься? Пусть с нами идет, все веселее. – Нугзар выжидающе посмотрел на Кирилла Ильича.

– А мы в этой стороне пошарим, за скалой, – отозвался тот. – И дров натаскаем заодно – вот и повеселимся. Оксана у нас сегодня будет дежурной по кухне.

Нугзар лениво поднялся с травы, но уходить не торопился. Хотя я уже стояла наизготовку с двумя пластиковыми ведерками, готовая рвануть в лес.

– А что, сейчас реально кого подстрелить, свежей дичинки попробовать? Зайца того же? – Нугзар пальцами изобразил пистолетик и направил его в сторону проводника.

– Зайца? Нет, – Петр покачал головой. – Разве совсем случайно. Скорее уж лося или косулю получится выследить.

– Сможешь? Мне говорили, что ты хороший охотник.

– Так я без оружия. Вроде охота в путевку не входила.

– Это так. Но жаренного мяса было бы неплохо поесть...

– Даже не знаю, – проводник колебался. – Там выше по реке тропа есть. Но я без ружья...

– Так оружия у нас хватает, – заинтересовано вмешался Ляшенко. – погоди. Я тебе сейчас такую «пушку» покажу...

Кирилл Ильич хитро прижмурился. Подошел к палатке Кузовлевых, где лежали вещи Михаила Степановича и, сняв чехол, продемонстрировал карабин с оптическим прицелом.

– Видел такую штуку?

– Видел, – хмуро отозвался Петр. – «Зауэр». Дорогая вещь. Но для наших условий – так себе. И кучность не важная.

– Не скажи... На, посмотри. Как тебе оптика?

Ляшенко походил на пацана, хвастающего крутым игрушечным автоматом. Хотя ведь не его карабин-то, шефа.

Петр взял оружие в руки. К прикладу была прикручена шурупом латунная пластинка с гравировкой.

– Золото, – с выражением произнес Кирилл Ильич. – Михаилу Степановичу на юбилей подарили. Ты в прицел-то глянь... Оксана, ты чего там копаешься? Мужики сейчас рыбы наловят, а мы еще за дровами не ходили.

Оксана задом выбралась из палатки. Упругие тылы, обтянутые джинсами, выглядели вызывающе и, наверное, привлекательно для мужчин. Хотя, чего в этом особенного? Я вот худая...

Петр, заметив, что я проследила направление его взгляда, смутился. Приладил к плечу приклад, делая вид, будто выцеливает что-то на противоположном склоне.

– Кирилл Ильич, я, кажется, свою сумку вверх у ручья оставила, у камня. – Оксана сморщила лицо.

– Чего там у тебя?

– Косметика, мобильник, мелочь еще всякая... И таблетки там еще, Мишины...

– Я же тебе говорил – засунь сумку в рюкзак, только руку занимает. – Ляшенко тяжело вздохнул.

– Я пойду, схожу.

Оксана лениво поднялась на ноги с тем же плаксивым выражением на лице. Нугзар с недоумением поднял бровь, собираясь что-то произнести, но его опередил Ляшенко:

– Не торопись, скалолазка...

Кирилл Ильич смотрел на Петра, в глазах читался немой вопрос. Однако проводник молчал.

– Петр, мне неудобно тебя просить, но...

– Ладно, схожу. За часок обернусь.

Петр вернул карабин Ляшенко. Тот, аккуратно ухватив за ствол, прислонил оружие к рюкзаку Кузовлева.

– Можете не торопиться, Петр. Это не к спеху. Вы извините, что так получилось. – Оксана уже кокетливо улыбалась, щуря глаза. – Вечно я все теряю. Может, я с вами?

– Он без тебя в два раза быстрее управится, – в голосе Кирилла Ильича прозвучала насмешка. – Да и Михаил Степанович...

Не завершив фразу, он многозначительно посмотрел в сторону реки.

– Тогда и мы двинули, Ириша. – Нугзар, наконец, оторвался от поглаживания усов и вспомнил про меня. – Разожемся, а потом, как сядем у костерка! Айда, дорогая.

Это он кому? Тоже мне, генацвале...

Перед ручьем я бросила взгляд назад. Петр шел вслед за нами метрах в пятидесяти. Ляшенко и Оксана продолжали стоять у палаток, о чем-то разговаривая.

Едва мы выбрались на небольшую прогалину, как Нугзар ойкнул и присел на траву.

– Ты чего?

Тот не отвечая, снял кроссовку с левой ноги и стал руками трогать ступню. Лицо при этом периодически морщилось.

– Дай я посмотрю.

– А ты что, медик?

– Нет.

– Вот и не лезь, – буркнул Нугзар, но тут же смягчился. – Не переживай, дорогуша. Подвернул, наверное. Потихоньку пройдет... Ты ступай одна, только не увлекайся. Рацию захватила?

Я отрицательно мотнула головой.

– Зря. Тогда засекаем время. Полчаса в одну сторону. Потом возвращайся. А я здесь на солнышке посижу.

Грибов было много – глаза разбегались. Хотя полчаса пробежали быстро, я к тому времени уже наполняла второе ведро. На обратной дороге, уняв жадность, срезала только отборные... И тут услышала крик Нугзара – он звал меня.

– Иду, иду, – отозвалась я, не напрягая особо голос.

Чего орать? Еще десять минут до назначенного срока. Небось, к костру торопится – выпить и закусить. Мужики в этом смысле все одинаковые. Вернее, в смыслах. Я вспомнила, как Петр пялился на задницу Оксаны. Да и Нугзар облизывался, как кот... Хорошо, что ногу подвернул, а то таскался бы за мной. С этими грузинами только по лесу ходить. Я произнесла

вслух с кавказским акцентом крылатую фразу: «Ларису Ивановну хочу», и невольно рассмеялась. Нашла кого ревновать...

Нугзар, прихрамывая, прохаживался по краю полянки.

– Чего звал-то? Время еще не вышло.

– Все, Ирина. Бросай ты свой грибы, – со склонениями у него иногда возникали проблемы. – Нам надо туда срочно возвращаться.

– А чего случилось?

– Потом узнаешь. Давай быстро.

И заковылял в сторону лагеря. Я разозлилась:

– Эй, ты чего? Сказать не можешь?

Он на секунду замер.

– Ладно. Только сопли не разводи. Кузовлев погиб.

– Как?! – вырвалось у меня.

– Вот так. Молча. Пошли, короче. Сама все увидишь.

Экстремальная смерть

Когда мы вернулись в лагерь, там уже находились все, кроме Петра. Что-то он запаздывал... Тело Кузовлева лежало около палатки. Как я поняла из разговора, мертвого первым обнаружил Гога и сообщил всем по радиации. Потом они с Ляшенко вытащили труп из реки и подняли наверх на террасу.

Я непроизвольно нашла взглядом Оксану. Она сидела на гальке, подогнув колени, и растеряно наблюдала за происходящим. Но не плакала. Я приземлилась рядышком. Дела...

В молодости Кузовлев увлекался экстремальным туризмом: конные переходы, сплавы по горным речкам на плотах и байдарках... Однажды едва не утонул. Байдарка перевернулась, его понесло через порог к водопаду... Но тут подоспел на подмогу однокурсник и вытащил. С того времени и возникла у Михаила Степановича традиция отмечать на природе «второй день рождения». Правда, экстремалка постепенно отошла – здоровье уже не позволяло. Остались рыбалка и охота, но всегда в глухих, почти необитаемых, горных урочищах, чтобы сохранить дух экстремальности. Н-да...

Тут наконец появился наш проводник. Молча приблизился к Оксане, отдал ей сумку, потом также молча подошел к трупу. Ляшенко задумчиво протянул:

– Ну вот. Все в сборе... Минуту внимания.

Кирилл Ильич излучал спокойствие. А меня начало трясти. Все случилось так неожиданно...

– Обрисовываю ситуацию. Примерно полчаса назад Георгий Автандилович обнаружил тело. Оно находилось в воде, вон там. – Ляшенко вытянул руку по направлению к реке. – Кузовлев был уже мертв.

Он так и сказал – Кузовлев. А не по имени-отчеству. Прозвучало казенно, словно Ляшенко говорил о совсем постороннем, чужом человеке.

– А почему «обнаружил»? Георгий Автандилович, что, не видел, как Михаил Степанович упал?

Я сама удивилась, услышав свой дрожащий голос. Вообще-то я тихая, даже трусоватая. Но тут меня как черт за язык дернул. Не понравилось мне, как они все себя вели. Уж слишком отстраненно.

Не могу сказать, что я с особой симпатией относилась к Кузовлеву. Непростой он был человек, как говорят в подобных случаях, с червоточинкой. Однако нас связывали особые обстоятельства. Именно мой отец, однокурсник Кузовлева, спас его в молодости, вытащив

из реки. Позже они вместе основали торговую компанию, открыли сеть супермаркетов. Мама тоже там работала, в бухгалтерии.

А затем мои родители погибли в нелепой автомобильной катастрофе. У машины на скорости отвалилось колесо, и она упала в овраг. Вот так... Мне тогда едва исполнилось двенадцать лет. И с тех пор Михаил Степанович поддерживал меня, помогал деньгами. А когда я закончила институт, то взял на работу в свою компанию. Никаких особых отношений. Так, что-то вроде добровольного опекунства. Однако я все равно испытывала к нему некоторую привязанность. Да и вообще – жалко же, умер человек ни с того, ни с чего. А эти ведут себя так, словно ничего не случилось. Умер – и ладно.

Кирилл Ильич посмотрел на меня с легким недоумением, Гога зыркнул из-под густых бровей...

– Георгий ушел вниз по течению, за поворот, и ничего не видел, – ответил Ляшенко.

Сделал паузу, продолжая глядеть на меня. Будто провоцировал. И я тут же ляпнула:

– А его что, убили?

Оксана поежилась. Гога задумчиво прищурился. Ляшенко потер подбородок ладонью.

– Тут дело такое. У него травма головы. Я полагаю, что он поскользнулся на камне, упал и ударился затылком... Сейчас невозможно точно определить, от чего он умер. Может, от инфаркта. Может, от удара по голове. Может быть, потеряв сознание, захлебнулся в воде... Это покажет только экспертиза. Я сделал фотоснимки, зарисовал. Сейчас еще всех опрошу, чтобы составить хронометраж по горячим следам. Потом сообщим в Горно-Алтайск, пусть шлют следственную группу.

– Сообщай сейчас, чего тянуть? Хронометраж они и без тебя сделают, – раздраженно заметил Гога. – А то стемнеет скоро, вертолет не сядет.

Нет, пожалуй, я ошибалась по поводу общего равнодушия. Старший грузин явно нервничал. Да и Оксана... Почему я решила, что она обязательно должна рыдать? Может, она в шоке. Вот у тебя бы мужа убили... Стоп. Не гони лошадей. Почему обязательно убили? Зачем сгущать краски, словно в бульварном триллере? Возможно, у Кузовлева просто прихватило сердце, он и упал в воду.

– Ну-у, может быть ты и прав. – Ляшенко посмотрел на часы. – Действительно скоро начнет темнеть. Опрос я тогда позже проведу.

Он залез в свою палатку и через некоторое время выбрался назад с коричневым кофром. Достал оттуда небольшой ноутбук, подсоединил антенну...

– Черт...

– Чего там? – настороженно спросил Гога и, приблизившись к Ляшенко, встал у него за спиной. – Не ловит?

– Если бы, – недоуменно отозвался Кирилл Ильич. – Совсем не фурычит. То ли аккумуляторы разряжены, то ли...

Он повернул ноутбук на бок, снял крышку и присвистнул:

– Вот это фокус.

– Ну, чего? – Гога вытянул шею.

– Нет аккумуляторов, кацо, вот чего.

Кирилл Ильич по-прежнему демонстрировал невозмутимость. Но когда он обернулся и мазнул цепким взглядом по нашим лицам, у меня засосало под ложечкой.

– А они хоть были там, аккумуляторы? – Нугзар подал голос впервые за последние полчаса.

– Были. Хотя сам я не проверял. Но ребята в техслужбе точно смотрели перед тем, как мне отдать.

– Это что же? Мы теперь вертолет не сможем вызвать? – спросила Оксана. – А пешком дойти куда-то можно?

Все головы повернулись в сторону Петра.

– Вдоль берега можно до турбазы, – пояснил тот. – Дня за четыре.

– Через четыре дня вертолет сюда и так прилетит, – зло процедил Гога. – Ты мне скажи, Кирилл. Где аккумуляторы вытащили – здесь? Или твои технари ни хрена не проверили?

Ляшенко пожал плечами:

– Сейчас все равно не выяснишь... Вообще-то кушать хочется... Давайте уху сварим, что ли? А то рыба пропадет. Ирина, сможешь почистить рыбу? Ира, чего молчишь?

– А?

– Рыбу, почистишь, спрашиваю?

Я механически кивнула. Рыба... Кажется, у мафиози принято присылать рыбу приговоренным к смерти?.. При чем тут это? Недаром бабушка называет меня фантазеркой.

Я проснулась от ощущения тревоги. Не сразу поняла, где нахожусь. Рядом негромко посапывала Оксана. Мы легли спать в их двухместной «семейной» палатке. В мою одноместную положили тело Кузовлева. «Труп должен где-то храниться, пока его не заберут криминалисты. Нельзя под открытым небом оставлять», – пояснил Ляшенко.

Я даже обрадовалась, что проведу ночь вместе с Оксаной. Вдвоем оно спокойнее и надежнее. Не скажу, что я сильно напугалась, но как-то все выглядело странно и подозрительно. Сначала гибель Михаила Степановича, затем эти вдруг пропавшие аккумуляторы...

В палатке ощущался слабый, но устойчивый запах спиртного. Оксана с Гогой устроили вечером что-то вроде поминок. Правда, их никто не поддержал. Лишь Нугзар чуть пригубил. Я тоже отказалась. Я вообще пить не умею, меня сразу развозит. А потом голова болит. Зато Оксана изрядно поддала, гораздо больше Гоги. А потом начала плакать – впервые с момента смерти мужа. Но лучше бы она скорбела про себя. Пьяная плачущая женщина – зрелище не из приятных. Впрочем, пьяный плачущий мужик – еще хуже.

Затем заморосил дождь, и все разбрелись по палаткам. Я боялась, что мне долго придется выслушивать жалобы Оксаны, изображать фальшивое сочувствие. Но, к моей радости, она быстро успокоилась и заснула. Судя по всему – крепко. Зато я нервничала и переживала за двоих. Черт меня понес в этот дурацкий турпоход...

Я полежала несколько минут, вслушиваясь в ночные звуки. Вроде бы ничего особенного, но тревога не проходила. И сна – ни в одном глазу. Я осторожно выбралась из спального мешка и, присев на колени, тихонько приспустила замок-молнию у входа в палатку. Будить Оксану не хотелось – пусть выспится нормально.

Слегка отодвинула полог – в лицо дохнуло сыроватой ночной прохладой. Было очень темно – еще с вечера небо начало затягивать тучами. В итоге все ограничилось дождем, но настоящая гроза, возможно, еще только собиралась.

Глаза немного привыкли, и я разглядела смутные силуэты палаток Гоги и Нугзара на противоположной стороне террасы. Снизу от реки доносился монотонный шум воды. Вдруг в разрыв между облаками проглянула луна, осветив пространство бледным рассеянным светом, и я заметила человеческую фигуру. Она возникла внезапно, словно выросла из-под земли, на краю площадки. Человек стоял неподвижно и, похоже, прислушивался. Одет он был в куртку с капюшоном, низко надвинутым на лоб.

Человек слегка повернул голову, и я отпрянула вглубь палатки. Мне померещилось, что тип в капюшоне посмотрел прямо на меня. Я не успела его опознать, и это меня сильно напугало. Хотя, почему я должна его бояться? Может, у кого из наших живот прихватило, вот и выбрался бедолага из палатки посреди ночи. Однако эти разумные соображения пришли мне в голову чуть позже. А в тот момент я буквально оцепенела от ужаса. Говорю же – трусиха. И вдобавок ко всему я услышала шаги.

Сначала зашуршала галька, потом что-то хрустнуло... Шаги приблизились и замерли около нашей палатки. Мне показалось, что я слышу тяжелое дыхание. Наверное, если бы этот тип заглянул в палатку и вытащил меня наружу, я бы и не пикнула. Но неизвестный, постояв какое-то время на месте, сделал несколько шагов в правую от меня сторону. Там находилась моя бывшая палатка, где лежало тело Кузовлева. А еще дальше стояла палатка Петра.

Поняв, что прямая угроза миновала, я слегка перевела дух и сосредоточилась, стараясь классифицировать ночные шорохи. Но отличила только шум реки – почетное прозвание Чингачгук Большое Ухо мне явно не светило. Человек или совсем ушел, или остановился где-то неподалеку. Несмотря на страх, меня непреодолимо тянуло подсмотреть, что там происходит. Не в силах бороться с искушением, я слегка оттянула полог рукой и прильнула одним глазом к образовавшейся щели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.